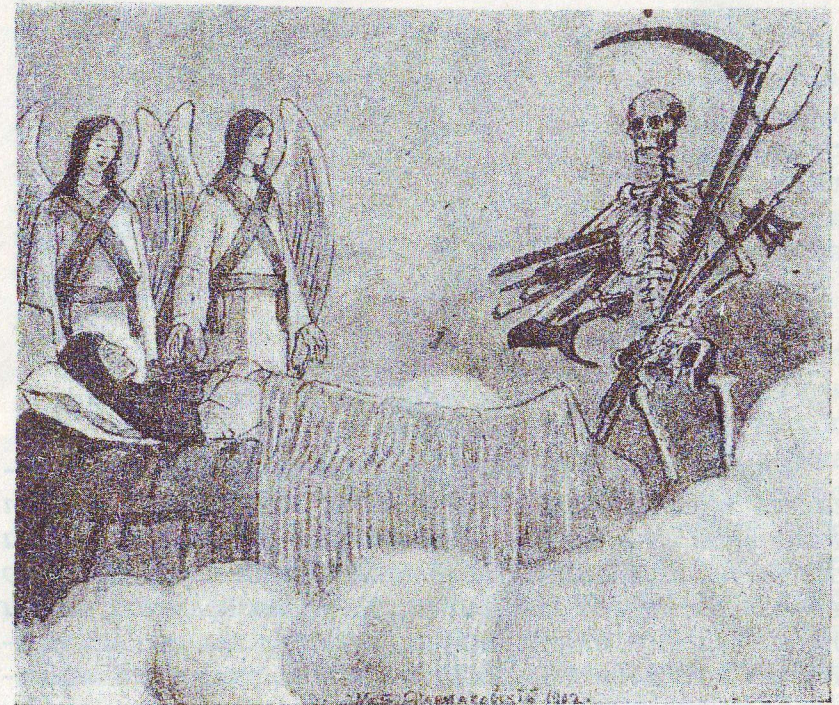

ХРИСТИАНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

*Во имя Отца и Сына и Свята-
го Духа! Аминь.*

Смерть — разлучение души с телом, соединенных волею Божиею, и волею Божиею паки разделяемых. Смерть — разлучение души с телом вследствие нашего падения, от которого тело престало быть нетленным, каким первоначально создано Создателем. Смерть — казнь бессмертного человека, которую он поражен за преслушание Бога. Смертию болезненно

Смерть приходит разрешить душу отъ тѣла.

разсекается и раздирается человек на две части, его составляющие, и по смерти уже нет человека: отдельно существует душа его, и отдельно существует тело его. Смерть — великое таинство. Она — рождение человека из земной временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства, мы слагаем с себя нашу грубую оболочку — тело, и, душевным существом переходим в другой мир, в обитель существ, однородных душе.

Что совершает с нами смерть? Что предстоит душе за пределом вещественности? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые человеками на земле произвольно и невольно? Неужели нет этого воздаяния, тогда как зло на земле по большей части преуспевает и торжествует, а добро гонимо и страдает? Необходимо, необходимо нам раскрыть таинство смерти, и увидеть невидимую телесными очами загробную будущность человека.

Св. Игнатий Брянчанинов

Если же смерть — это родительные врата новой жизни, тогда просто насущно необходимо знать и помнить о ней, готовиться к встрече с ней, потому что та новая

жизнь, которая начинается за порогом смерти, не может не быть в той или иной форме и степени продолжением этой земной жизни. Поэтому с чем придет человек к своему смертному часу, каким духом исполнится он в его преддверии таким и войдет он в вечный свой храм. “В чем застану, в том и сужу” — таков закон небесного правосудия.

Согласно евангельскому учению о жизни, вполне согласному в этом отношении с древними преданиями, душа человека не является функцией его физического тела. Напротив, физическое существо человека рождается, растет, развивается и прекращает свое существование в порядке и последовательности, которые определяются его внутренним духовным развитием. Более того, душа, рождающая свое тело для какой-то своей работы, не прекращает существования после его умирания. Согласно букве и духу христианского учения душа человека вневременна. Но с душой человека, отрекающегося от любви Божией, происходит нечто такое, что не есть полное уничтожение, но, может быть, хуже, чем сама смерть. Отрекшиеся от любви Божией в этой жизни отпадают от нее во веки веков.

Поистине страшно представить себе вечность, в которой нет места милосердию и любви, где всеобщая озлобленность и “зубовный скрежет” определяют атмос-

феру и дух существования. Этого и только этого страшатся сердце и разум христианина.

Земная жизнь полна искушений, земная плоть податлива ко злу и подвластна страстям, устоять в ней, сохранить свою душу от гордыни и озлобления, которые убивают любовь, трудно, это требует от человека постоянного понуждения себя к добру, самоотверженного ему служению, покаяния и исповеди. Поэтому так важно для человека помнить о конечности своего земного существования и о тех бесконечных последствиях, которые влечет за собой так или иначе прожитая им жизнь.

Страх Божий для христианина — это страх утратить сердечную связь с первоисточником жизни, отпасть от вселенского единения душ здесь и навеки лишиться этого в своей посмертной судьбе.

СМЕРТНЫЙ ЧАС

Смерть — великое и страшное таинство. И самое таинственное и ужасное в этом таинстве, это — самый момент разлучения души с телом, — то что совершается во внутреннем состоянии умирающего человека, или переход, перерождение человека из жизни телесной в жизнь чисто духовную, из временной — в вечную.

Аще исповедуем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды (1 Ин. 1, 9)

“Вот, наступает последний час человека в этом мире. Болезнь, приблизившая его к смерти, уже прекратилась; она подорвала основы телесного организма и сделала его уже неспособным к дальнейшей деятельности в настоящем его виде, и тело уже не служит духу. Тогда жизнь души начинает отторгаться от частей и органов тела, к которым была прирождена и в которых до-

селе действовала. Судорожные движения и необычайные сотрясения всего организма показывают, как трудно, как жестоко это отрешение души от тела; и чем крепче организм, чем сильнее была привязанность духа к телу, тем сильнее эти сотрясения, потому что тем более силы нужно духу, чтобы оторваться от тела. Как страшно это зрелище! Но всмотритесь ближе: вы увидите, что тут не одни физические страдания. Трепещет душа, чувствуя свое невольное, быстрое приближение к вечности; в трепете она силится как будто остановиться на этом страшном пути; она порывается как бы уклониться от тех ужасов, какие ее ожидают, или овладеть собою и этими самыми ужасами, чтобы спокой-

Видѣніе Теодоры на смертномъ одрѣ.

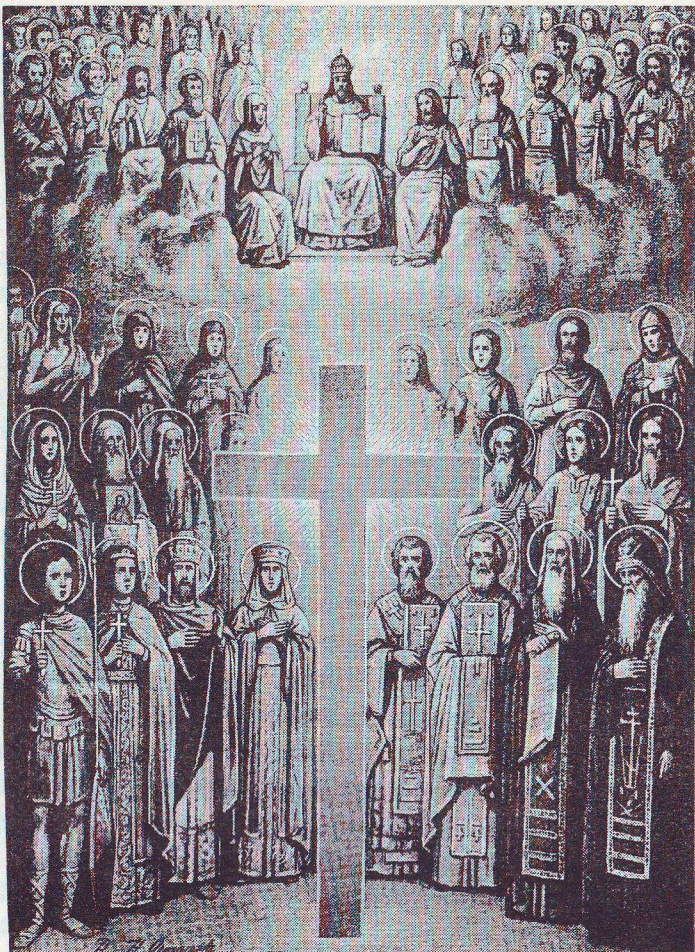
нее и смелее пройти. Но эти порывы, подавляемые более и более приближающейся смертью, производят только те невыразимое возбуждение и раздражение всех сил и чувств души, которые кладут еще более страшную печать на лицо и на все состояние умирающего. Да, в час смерти овладеть собою и самим путем смертным и всеми его ужасами — какая это неизобразимая задача! И я не думаю, чтобы та отчаянная храбрость, которая, немного думая о жизни и смерти, а еще менее — о вечности, смело несется навстречу смерти, как, например, в битве с врагом или в самоубийстве, верно решала эту задачу. Эта храбрость слепа и потому так отважна только до момента самой смерти; а в момент смерти душа прозревает, — и скажи мне ты, смелая душа, будешь ли ты так смела перед тем, что тогда увидишь?

В то время, как в низких степенях и силах душевной жизни, в тех, которыми душа непосредственно привязана к телу, происходит эта ужасная предсмертная борьба, — во внутренней жизни духа, в высшей сфере его духовного бытия, совершается другое. Там слабые узы тела; поэтому, дух человека скорее и легче отрешается от условий временной жизни, и тогда как внизу его долго еще длится борьба, он у себя вверху сам собою освобождается, и еще прежде решительной смерти тела он уже витает как будто вне тела. Так случается, что в час кончины, еще не совершившейся, человек, или правильнее сказать дух его, в земном образе, является в отдалении от тела близким по сердцу людям. Но человеку начинает уже открываться и вечность; он уже подходит к рубежу ея. Он еще видит, хотя и тускло и нераздельно, земные предметы; еще слышит, хотя и неразборчиво, здешние звуки; еще ощущает в себе, хотя и смешанно, земные чувства: но уже сказывается ему и другая жизнь. Он замечает предметы и явления, невидимые для других, слышит необыкновенные звуки, прозревает то, что нам не может быть известно естественным порядком. Еще несколько минут — и человек переступает в вечность. Как, вдруг, из-

меняется форма его бытия: дух его видит самого себя, свое собственное существо, как не видел его в теле; он видит предметы самые отдаленные уже не телесными глазами, а непосредственным разумом и то, что прежде он мог постигать только разумом, теперь он видит как бы глазами; он говорит не члено-раздельными звуками слова, а мыслями, и то, что прежде он мог представить себе только в мыслях, теперь уже выражает как бы словом; не руками осязает предметы, а ощущениями и чувствами; и предметы самые тонкие и прежде для него неуловимые и неосязаемые, он теперь обнимает в ощущениях, как бы в руках; движется не ногами, а одною силою воли; и то, к чему прежде он мог приближаться, с великим трудом, медленно, через большие пространства места и времени, теперь он настигает мгновенно: никакие вещественные препятствия его уже не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде, и

нет уже для него разделения времени и места: нет ни часов, ни дней, ни годов, ни веков, нет расстояний ни малых, ни больших, все сливается в один момент — вечность, вечность, никогда не оканчивающуюся и всегда только еще начинающуюся; все соединяется в одну точку зрения, и эта точка зрения не подлежит никаким измерениям. Что же он видит и чувствует? Невыразимым ужасом поражает его открывшаяся вечность; ее безпредельность поглощает его ограниченное существо; все его мысли и чувства теряются в ее безконечности. Он видит предметы, для которых у нас нет ни образов, ни названия; слышит то, что на земле не может быть изображено никаким голосом и звуком; его созерцания и ощущения не могут быть выражены у нас ни на каком языке и никакими словами. Он находит свет и мрак, но не здешний: свет, перед которым наше яркое солнце светило бы менее, чем свеча перед солнцем; мрак, перед которым наша самая темная ночь была бы яснее дня. Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, также отшедших из здешнего мира. Но какое изменение! Это уже не здешние лица и не земные тела: это одни души, вполне раскрывшиеся, со всеми их внутренними свойствами, которые и облекают их соответственными себе образами. По этим образам души узнают друг друга; а силою чувства узнают тех, с которыми сближались в здешней жизни. Потом встречаются духу существа, также сродные ему по естеству, но такие, которых одно приближение дает ему чувствовать неизмеримо высшую над ним силу их. Одни из них выходят из глубины безпредельного мрака, и все существо их — мрак и зло; они мыслят, действуют, живут одним злом; необозримые страдания в них самих и от них другим скорбь и гибель отличают их каждое движение и действие. Но это еще в низших сферах духовного мира, ближайших к миру земному. А там, далее, дух видит безконечное море непостижимого света, из которого выходят другие существа, еще более могучие, их природа и жизнь — одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; неописанный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение.

Святые в Царстве Божием

Итак, в этом чудном мире — дух человека, ничем не стесняемый, и силою своей духовной природы, и недолимою силою притяжения сродного ей мира, летит, летит все далее и далее, до того места или, лучше сказать, — до той степени, до какой могут достигать его духовные силы, и весь поразительным для него образом перерождается. Тот-ли это дух, который жил в человеке на земле, дух ограниченный и связанный плотью, едва заметный под массою тела, всецело ему служащий и поработенный так, что без тела, повидимому,

и жить, и развиваться не мог? Тот-ли это дух немощный, с таким трудом развивавший здесь и не широкие свои идеи, и не глубокие чувства, и не сильные стремления, так часто и легко падавший под бременем чувственности и всех условий земной жизни? Тот-ли, наконец, это дух, в котором и добро было, большей частью, только в семени, и зло скрывалось глубоко, так что он почти не сознавал сам в себе ни того, ни другого, и так было в нем все нетвердо и перемешано, что и добро побеждалось злом, и во зле проглядывало иногда добро, и нередко являлось одно под видом другого? Теперь что с ним случилось? Теперь всё — и доброе, и худое быстро, с неудержимою силою, раскрывается; его мысли, чувства, нравственный характер, страсти и стремления воли — все это развивается в необъятных размерах; он сам их ни остановить, ни изменить, ни победить не может; беспредельность вечности увлекает и их до бесконечности; его недостатки и слабости обращаются в положительное зло; его зло делается бесконечным; его скорби и духовные болезни обращаются в беспредельные страдания. Представляете-ли вы себе весь ужас такого состояния? Твоя душа — теперь недобрая, но еще подавляющая и скрывающая в себе зло, там явится злою до бесконечности; твое худое чувство, здесь еще чем-нибудь сдержанное, если ты не искоренишь его здесь, обратиться там в бешенство. Если ты здесь владеешь собою, там ты уже ничего не можешь с собою сделать: все в тебе и с тобою перейдет туда и разовьется в бесконечность. Чем ты тогда сделаешься? Если ты здесь не хорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, или нет — ты тогда слишком хорошо узнаешь себя и еще гораздо лучше, чем здесь. Помощи никакой и ни откуда уже не будет, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообщество темных, злых сил. И на этом пути ты ни остановишься, ни возвратиться не можешь, и во веки веков ты будешь страдать — чем? Бешенством от твоего собственного зла, которое не подаст тебе уже никакой

надежды к лучшему и не даст тебе покоя в самом себе, — и от этой злой среды, которая будет сильнее тебя, будет вечно окружать тебя и терзать тебя без конца.

Что же душа добрая, — что с нею? И добро также раскроется во всей полноте и силе; оно будет развиваться со всею свободою, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь — большею частию — сокрытое, неузнаваемое и неоцениваемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь непостижимое и подавляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа всею силою своего природного, нравственно развитого и добродетельно возвышенного стремления горе, в высшие сферы того мира, туда, где — в бесконечном свете — живет Источник и Первообраз всякого добра, в сообщество светлых, чистейших существ, и сама делается ангелом, т.е. таким же чистым, светлым, блаженным существом. Беспредельная любовь будет соединять с Богом, с ангелами и подобными ей душами. Она будет уже во веки тверда в своем добре, и никакое зло — ни внутреннее, ни внешнее, не может уже колебать ее, ни изменить ее, ни повредить ее блаженному состоянию. Но и не праздно будет душа жить и наслаждаться своим добром и блаженством; она будет действовать — действовать своим, уже ни чем не затемняемым, незаблуждающимся, а просветленным умом, в созерцании и постижении тайн, здесь неразгаданных и неизвестных, — тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни; будет действовать всею силою уже ничем нестесняемых и неповреждаемых чувств сердца, в развитии своей новой, высшей жизни; будет действовать всею крепостью своих духовных ничем неудержимых и неразвлекаемых в разные стороны стремлений по пути, указанному ей судом высшей Правды и Любви, — к целям, определенным в предвечных идеях царства Божия.

Что еще сказать вам? Я показал только переход человека в вечность и, так сказать, общие основания загробной жизни. На всякие дальнейшие вопросы я должен отвечать: не спрашивайте¹⁾.

¹⁾ — Иоанна, еписк. Смоленского, беседа в день Успения Б. Матери.

Мы не имеем ни одного непосредственного свидетельства о том, как совершается переход человека из временной жизни в вечную: над концом жизни человеческой простерта рукою самого Промысла Божия непроницаемая завеса. “Кто может приподнять ее хотя отчасти? — Всего бы ближе ожидать сего от тех, кои прошли уже вратами смерти, от толикаго числа усопших братий наших. Но — доколе они были еще пред сими вратами, дотоле, без сомнения, сами не знали, что их сретит там; а когда прошли их, и сии врата затворились за ними, для них нет возможности оглянуться назад и сказать нам, что было с ними, когда они проходили их.

Еще более можно бы ожидать разъяснений для нас великой тайны смерти от тех, коим дано было, оставив эту жизнь, перейти об он-пол бытия земного и потом возвратиться назад к нам, в этот мир, то есть от людей, воскресших из мертвых. Не много таковых было во всей истории человечества, и, однако, были таковые, именно — те, кои, например, воскрешены были из мертвых Спасителем нашим, как, например, праведный Лазарь. Без сомнения, современники таковых людей, по самому любопытству, не преминули узнать от них, что происходит с человеком во время его смерти. Но если и узнали что-либо, то так устроившу Промыслу Божию, до нас ничто почти не дошло от этих сведений. А всего вероятнее, — так мнится мне, — что эти воскрешенные никому не раскрывали тайну смерти, хотя и изведали ее на самих себе. Почему не раскрывали? Потому, что им не дано было раскрыть ее, или даже потому, что не могли сделать сего. Ибо для предметов высших и сверхъестественных на земном языке нашем нет даже слов к изъяснению. В том и другом смысле — свидетель нам апостол Павел, который был восхищен, как сам свидетельствует до третьего небесе, видел и слышал там множество вещей и глаголов; но каких? — “о них же”, — как сам выражается, — “нелететь глаголати” (2 Кор. 12, 4) человеку. Из последующей священной истории христианства мы имеем сказа-

ния людей, возвратившихся к нам из области смерти; но сии сказания касаются более того, что умершие видели и встречали за пределами гроба, в другой жизни, а не того, что испытали они в минуту самой смерти".²⁾

МЫСЛИ ОБ УСОПШИХ

Св. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК (ум. 1894)

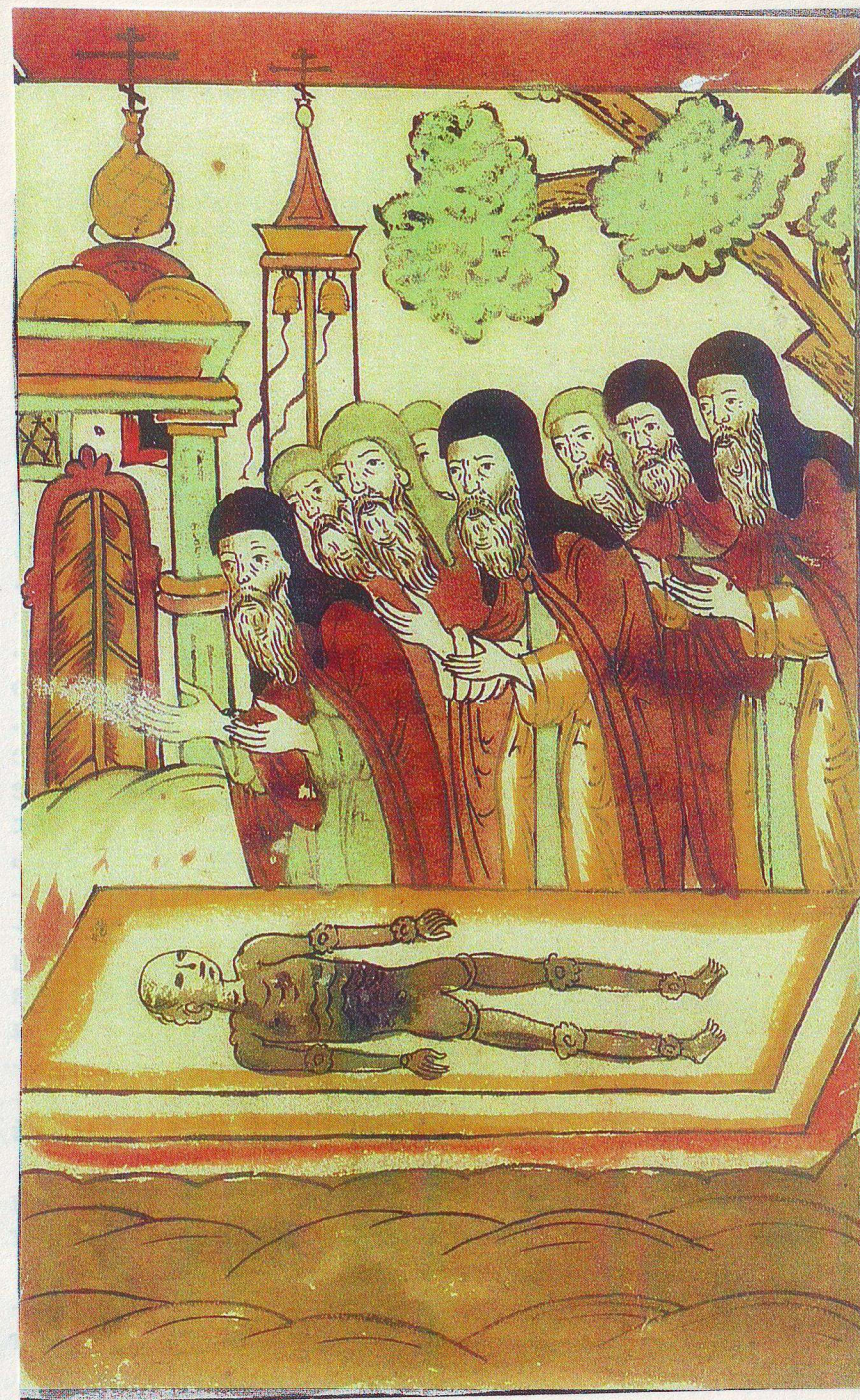
Потеря близких людей есть одно из величайших бедствий постигающих человека в этой земной жизни. За утешениями в подобного рода несчастьях обращались очень многие и к преосвященному епископу Феофану, прося его наставлений и молитв. Епископ Феофан обыкновенно удовлетворял просителей и в своих письмах давал ответы на вопросы, обращенные к нему. Письма эти по своей простоте и вместе с тем по глубокому пониманию духовной жизни имеют руководственное значение для всех.

Епископ Феофан считал, что при гробе близких и дорогих нам людей вполне естественно поскорбеть и поплакать: но эта скорбь должна быть умеренная и отнюдь не должна переходить в отчаяние.

"Нельзя не поскорбеть, — писал Святитель одному лицу по случаю смерти родителей, — такова уж душа наша; но в меру — и притом небольшую. Что главное у человека, тело или душа? Душа главное. Когда душа жива — и человек жив. А когда умирает, что умирает, душа или тело? Тело, а душа остается жива. Стало быть, умершие живы; живы и ваши родители. Они только отлучились от вас и стали жить в другом месте. Туда же и вы в свое время перейдете — и увидите. Разлука у вас только временная. Потому и говорю, что не поскорбеть нельзя, только немножко, как скорбят, когда выезжают из дома в школу.

Так случилось у нас, что умерших мы воображаем такими, какими они были, как лежали на столе в гробу... и затем, как они в могиле, и даже причитываем:

²⁾ — Иннокентия, арх. Херсонского, беседы.

как тебе там темно, как тебе там тесно, как тебе там сыро... А между тем там совсем и нет тех, кого оплакиваем. Они в другом месте, и даже около нас, только в другом совсем виде“.

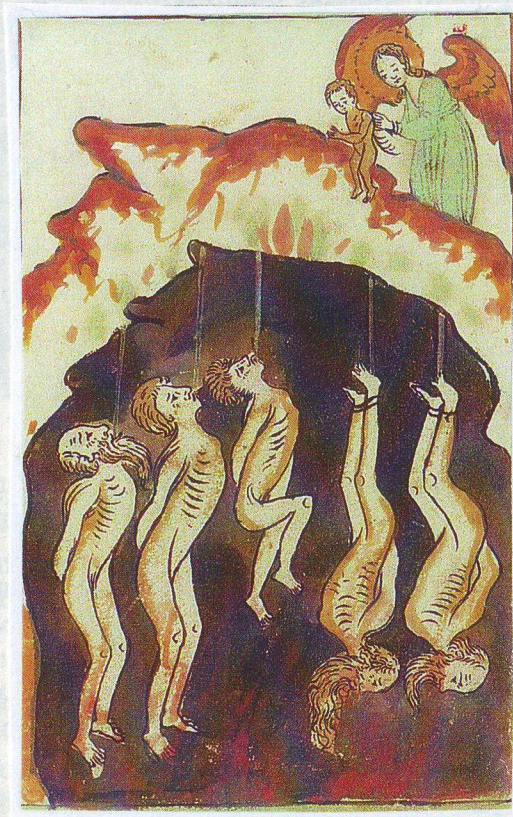
“Плачьте, плачьте, — писал в другом месте Святитель одной матери, — в этом ничего нет неестественного и укорного. Диво было бы, если бы мать не поплакала о смерти дочери. Но при этом надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам, христианам. Умерла! Не она умерла, умерло тело, а она жива и также живет как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И, надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, ибо ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если бы она явилась, и вы попросили ее войти опять в тело, она ни за что не согласилась бы. Зачем же вам вступать с нею в такое разногласие? Желать того, что ей противно? Какая тут будет любовь?

Нельзя не пожалеть, что не пришлось вам в последний раз взглянуть в очи ее, последнее услышать слово от нее, последнее дать ей объятие материнской любви. Ну вот и поплачьте. Только все немножко. Телесные очи ее закрылись, а душевными она смотрит. Смотрите и вы на нее душою своею. Не воображайте ее в могиле: там ее нет; там тело ее, а она вне, и теперь может быть при вас стоит. Язык ее замолк, но она не лишена возможности говорить вам в сердце. Внимайте и услышите: “Мамочка! Не тужи и не убивайся. Я с тобой, и мне очень хорошо!” Отвечайте же и вы ей: “Ну, слава Богу, что тебе лучше“. Объятия застыли, не прострутсЯ более. Но она собою, как душа, может объять душу вашу и так же тепло, как теплы обычные объятия. Отвечайте же и вы спокойно, немятущейся душой, теплой памятью о ней“.

Таким образом, великим утешением служит для христианина то, что умершие и по смерти продолжают общение с нами, прямо с душой.

На вопрос, что делается с усопшими, Святитель писал: “Тело возвращается в землю, а душа получает от

Господа некое место по своему усмотрению, где и пребывает до скончания века, в чаянии радостном или в нечаянии ужасном. То — закрытая для нас страна. Что там — в точности не определено с подробностью... Одно точно определено... что тамошнее состояние вполне соответствует тому, как настроит себя человек здесь, на Земле. Как настроить — широко разъяснено в Евангелиях и Посланиях. Это и есть теперь для нас главное. Как цель не на земле, а в другом образе бытия, то разумно всю заботу обращать на то, чтобы добре приготовиться туда. Не приготовимся — все пропало.

Не мучьте себя пытаньем — что там и где будем. А когда в уме народятся такие вопросы, говорите себе: хорошим там будет хорошо, а худым худо; соответственно этому и место там будет для одних светло, а для других — тьма“.

Почему мы поминаем усопших? “Потому, — отвечал Святитель, — что так заповедано нам делать. А что заповедано, видно из того, что в Церкви Божией не было времени, когда бы не творилось это поминовение. Значит, это идет от Апостолов и Самого Господа“. Поминать надо не только своих родных, но и всех православных христиан, во всякое время и во всякой молитве. Сами там будем и нуждаемся в этой молитве, как бедный в куске хлеба и чаше воды. Помни, что молитва об усопших и сильна общностью, тем, что идет от лица всей Церкви. Но как в естественном порядке при беременности мать дышит, а сила дыхания переходит и на дитя, так и в благодатном порядке: Церковь дышит общей для всех молитвой, а сила молитвы переходит и на усопших, содержащихся в лоне Церкви, которая слагается из живых и умерших. Не поленись же во всякой молитве помянуть всех отошедших отцов и братьев наших: это будет от тебя им милостыня.

На необходимость поминовения усопших указывает и то обстоятельство, что умершие, как сказано было выше, продолжают общение с нами: “Отошедшие живы, и общение у нас с ними не пресекается. Как о живых молимся мы, не различая, идет ли кто путем праведным или другим, так молимся и об отошедших, не доискиваясь, причислены ли они к праведным или к грешным. Это долг любви братской. Пока последним судом не разделены верующие, все они, живые и умершие, единую Церковь составляют. И все мы взаимно друг к другу должны относиться, как члены одного тела, в духе доброты и любительского общения, и живые и умершие, не разгораживаясь пополам умирающим“.

“Участь отошедших не считается решенною до всеобщего суда. Дотоле мы никого не можем считать осужденным окончательно и на этом основании молим-

Церковная молитва.

ся, утверждаясь надеждою на безмерное милосердие Божие“.

Особенно горестна бывает для родителей потеря детей в раннем возрасте. Многие бывают даже склонны думать, что это посылается в наказание родителям за их грехи. В письмах еп. Феофана мы находим на это такой ответ:

“Это не всегда бывает в наказание. Бывает это во благо детей и самих родителей. Мы слепы и не видим сего... а не видевши, ропщем... и хульно о Боге думаем, будто Он неправ. А Он все устроит наилучшим образом“.

В другом месте, подробно развивая ту же мысль, еп. Феофан пишет в утешение одной скорбящей матери следующее: “Дочь умерла хорошая, добронравная. Надо говорить: “Слава Тебе, Господи, что убрал ее поскорее, не дав ей впутаться в соблазны и обольстительные утехы мира“. А вы скорбеть: “зачем Бог избавил ее от этих увлечение и взял ее в царство Свое святое — чистой и непорочной. Выходит, лучше бы, если бы она выросла, пустилась во все тяжкие, что ныне очень недивно, особенно для таких симпатичных, какою, как говорите, была почившая. Вот мудреная мать — жалеющая, что дочь спасена, и не погублена“.

Наконец, в заключение приведем еще два отрывка из писем еп. Феофана.

Письмо к умирающей сестре: “Прощай, сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твою исходе. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в живой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им, и наши им передай приветы, и попроси позаботиться о нас. Тебя окружают твои дети со своими радостными приветам. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя дверь в лучшую жизнь. Ангел Хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит. Грехи будут приходить — кайся во всех и будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаживает. Изглажены и твои, когда покаялась. Эту веру поживее утверждай в себе и пребудь с нею неразлучно. Даруй же тебе, Господи, мирный исход! День другой, и мы с тобой. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобой!“

Из письма к мужу умирающей сестры: “...У отошедших скоро начинается и подвиг перехода через мытарства. Тут нужна сестре помощь. Думайте об этом, и вы услышите вопль: “помоги“. Вот на что надлежит нам устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самый действительный показатель любви вашей к усопшей будет то, если с минуты отхода души погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых не-

ожиданных нуждах. Начав так, непрестанно молитесь Богу о помощи ей, особенно в продолжении шести недель, да и далее. В сказании Феодоры — мешок, из которого ангелы брали, чтобы отделяться от злых духов, были молитвы ее старца. То же будут и ваши молитвы. Не забудьте так сделать, — вот и любовь! Поскорее и меня известите... и я тоже начну, и дети пусть так делают... А слишком горевать и убиваться — мало имеет смысла“.

Мытарство гордости.

Не тяготейте к земле. Все тленно — только одно счастье загробное вечно, неизменно, верно. И это счастье зависит от того, как проживем мы эту нашу жизнь!

Св. Феофан Затворник

О МОЛИТВЕ ЗА УСОПШИХ

Архимандрит КИПРИАН (ум. 1960)

ВЫ СКА

Преподобный Макарий Александрийский и ангелы
у тела усопшего в пустыне

Велика сила молитвы! Молитвенными воздыханиями Церкви ослабляется сила ада и облегчаются души в том неопределенном состоянии, в каком они пребывают до суда. Кроме мучений и власти ада, еще нечто смущает нас в смерти: это невыясненность той нашей жизни. С моментом телесной смерти для души и перерыва не будет: душа, как жила до последней минуты земной жизни, так и будет продолжать жить до Страшного Суда. Но какова будет эта жизнь, не знаем мы... Кое-что тут указывают опять же наши Минеи и Триоди (в Церкви), и по их молитвам утешительный и успокаивающий ответ нашей душе слышится с церковного клироса.

В Православии ясно и определенно звучит исповедание личной жизни каждой души: как жила она здесь, отдельным “я” в оболочке тела, так будет жить и жизнью будущего века, До Суда в предвкушении воздаяний, а после Суда в прославленном и преображенном теле, в полной мере участвуя в райском блаженстве (если его сподобилась). Мятущаяся душа наша в этом личном воздаянии и жизни не в каком-то проблематичном “существовании”, но именно в жизни находит в себе великое утешение в православном понимании смерти.

Велика сила молитвы нашей, даже нас грешных. Будем же молиться за наших умерших, да и за нас помолятся после нашей смерти, которая вот-вот уже рядом, уже близка. Не венками и мраморными памятниками, не пышной бутафорией погребальных бюро, а горячей молитвой за их вечный покой. Легко будет тогда умирать при сознании того, что и за меня грешного будет возноситься молитва, и святая Евхаристическая жертва будет приноситься в мою память.

В Православии нет смерти, ибо смерть лишь узкая межа между жизнью здесь и жизнью в будущем веке, смерть есть лишь временное разлучение души и тела. Нет смерти ни для кого, ибо Христос воскрес для всех. Там вечность, вечный покой и вечная память у Бога и в Боге.

ГОРНИЙ ИЕРУСАЛИМ

Св. ТИХОН ЗАДОНСКИЙ (ум. 1783)

В горнем Иерусалиме нет страха от иноплеменников, нет боязни от врагов, нет опасности от болезни, смерти, глада, хлада, нищеты, вражды, ненависти, злобы и прочих зол; не слышатся там жалобы, удалился плач, печаль и вздыхание. Нет попечения о пище, питье, одежде, о доме и домашних; нет там бури и непогоды, но всегда благоприятное ведро; нет утра, вечера, ночи, но всегда день; нет осени и зимы, но всегда прекрасная и благорастворенная весна и лето; не слышится, не видится, не чувствуется там ничего разве благоприятное, веселое и любезное. Там жители всегда бдят, но не утруждаются, всегда живут, но смерти не чают; там житие без труда, радость без печали, здравие без немощи, богатство без потери, честь без опасности, блаженство без бедствия. Там солнце без облаков, свет без тьмы, сияние без мглы; нет там старого, слепого, хромого, расслабленного, безобразного, но все в цветущей юности, красной доброте и возрасте мужа совершенна, в мере возраста исполнения Христова; там никто не обидит, не обижается, не ненавидит, не ненавидимым бывает, не гневается, не досаждаёт, не озлобляется; никто никому не завидует, всякий доволен тем, что имеет, потому что более того, что имеет, не желает, тем утешается блаженством, которое выше не восходит, той славой и честью венчается, которую не ищет.

В том преславном и блаженнейшем гражданстве совершеннейшая тишина, мир, любовь между блаженными гражданами, друг о друге радость, утеха и веселье:

потому что друг друга любят, как себя, друг о друге радуются, как о себе: ибо друг друга видят в блаженстве, как и себя.

* * *

ПОМИНОВАНИЕ УСОПШИХ

Обычай поминать усопших встречается уже в церкви ветхозаветной (Чис. 20, 29; Второз. 34,8; 1 Цар. 31, 13; 2 Макк. 12, 43). В Церкви христианской этот обычай известен самых древних времен. В древних литур-

Слово Геронтия, патриарха Иерусалимского, о поминовении усопших православных христиан

гиях, дошедших до нас, встречаются молитвы и за усопших. С особенною ясностью о поминовении усопших упоминают Постановления Апостольские. Здесь находим как молитвы за усопших при совершении евхаристии, так и указания на дни, в которые особенно прилично поминать усопших, именно: третий, девятый, сороковой и годовой — в том же значении, какое им

придает Церковь и в настоящее время. Отцы и учителя Церкви последующего времени, изъясняя смысл поминовения усопших и показывая истинный образ его в молитвах, совершении бескровной жертвы и милостыни, часто свидетельствуют, что поминовение усопших есть апостольское установление, что оно соблюдается во всей Церкви и что литургия за умерших или принесение о спасении их бескровной жертвы, есть самое сильное и действительное средство к испрошению усопшим милости Божией.

Св. Церковь возносит непрестанные молитвы об отошедших отцах и братьях наших при всяком Богослужении и особенно на литургии. Но, кроме того, св. Церковь творит в определенные времена особое поминовение всех от века умерших отцов и братьев по вере, сподобившихся христианской кончины, равно и тех, которые, застигнутые внезапной смертью, не были напутствованы в загробную жизнь молитвами Церкви. Совершаемые при этом панихиды называются вселенскими.

Кроме общего поминовения, совершается частное поминовение каждого усопшего в отдельности. Для поминовения новопреставленных Церковь назначает первые сорок дней со дня смерти, находя в этом числе, по указанию св. Писания, достаточный срок для очищения от грехов и умиловления Бога (Быт. 7, 12; Числ. 14, 31-34; ср. Мф. 4, 2). Кроме того, из этих сорока дней особенно посвящаются молитве за усопших дни — третий, в воспоминание воскресшего в этот день Спасителя, девятый — по благочестивому желанию Церкви, чтобы дух усопшего был пречислен к девяти чинам ангельским, и сороковой — по ветхозаветному примеру оплакивания Моисея израильянами в продолжении сорока дней и по сближению этого дня с днем вознесения Господа. Наконец, поминовению усопшего посвящается годовой день смерти, день рождения и именин в том смысле, что умерший жив и бессмертен по духу и некогда совершенно обновится, когда Господь воздвигнет самое тело его.

Вященник совершает литургию по усопшим

Св. Макарий Александрийский некогда спрашивал сопровождавших его по пустыне ангелов: "Когда отцам предано совершать в церкви приношение Богу за усопшего в третий, девятый и четыредесятый день, то какая из того происходит польза душе преставшегося?" Ангел отвечал: "Бог не попустил ничему быть в церкви Своей неблагопотребному и бесполезному; но устроил в церкви Своей небесныя и земныя таинства и повелел их совершать. Когда в третий день бывает в церкви приношение: то душа умершего получает от стрегущаго ее ангела облегчение в скорби, каковую чувствует от разлучения с телом; получает потому, что славословие и приношение в церкви Божией за нее совершено, от чего в ней рождается благая надежда. Ибо в продолжении двух дней позволяется душе, вместе с находящи-

мися при ней ангелами, ходить по земле, где хочет. Посему душа, любящая тело, скитается иногда около дома, в котором разлучилась с телом, иногда около гроба, в котором положено тело; и таким образом проводит два дня, как птица, ища гнезда себе. А добродетели

Ангел заносит имя души в вечные обители

Пребывание души подле тела в первые три дня после смерти. Поклонение души Христу на третий день после смерти

тельная душа ходит по тем местам, в которых имела обыкновение творить правду. В третий же день Тот, Кто воскрес из мертвых, повелевает, в подражание Его воскресению, вознестись всякой христианской душе на небеса для поклонения Богу всяческих. Итак, благое Церковь имеет обыкновение совершать в третий день приношение и молитву за душу. После поклонения Богу повелевается от Него показать душе различные и приятные обители святых и красоту рая. Все это рассматривает душа шесть дней, удивляясь и прославляя Создателя всего, Бога. Созерцая же все это, она изменяется и забывает скорбь, которую имела, будучи в теле. Но если она виновата в грехах, то при виде наслаждений святых начинает скорбеть и укорять себя, говоря: увы мне! Сколько я осуетила в том мире! Увлечшись удовлетворением похотей, я провела большую часть жизни в беспечности и не послужила Богу как должно, дабы можно было и мне удостоиться этой благодати и славы. Увы, мне бедной!... По рассмотрении же в продолжении шести дней всей радости праведных она опять возносится ангелами на поклонение Богу. Итак, хорошо делает Церковь, совершая в девятый день службы и приношения за усопшего. После

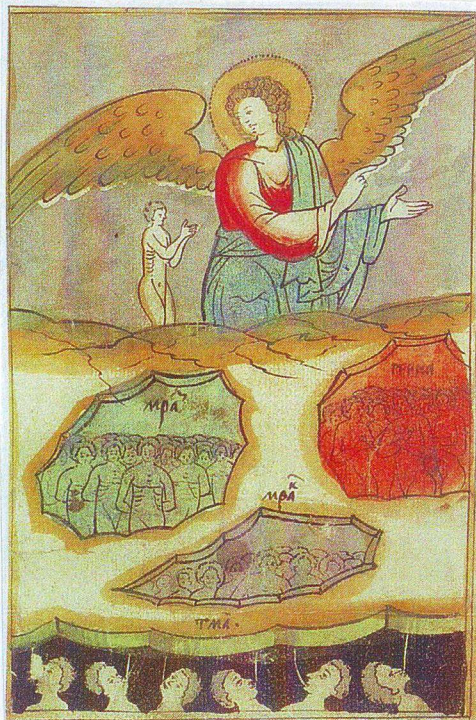
Восхождение души грешного на небеса на девятый день

Восхождение души праведного на небеса на девятый день

вторичного поклонения Владыка всех повелевает отвести душу в ад и показать ей находящиеся там места мучений, разные отделения ада и разнообразные нечестивых мучения, в которых находясь души грешников непрестанно рыдают и скрежещут зубами. По этим различным местам мук душа носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой не быть осужденной на заключение в них. В сороковой день опять она возносится на поклонение Богу; и тогда уже Судия определяет приличное ей по ее делам место. Итак, правильно поступает Церковь, делая поминовение в сороковой день об усопших и принявших крещение“.

“Упокой, Господи, души усопших раб Твоих!“

Видение адских мук

Поклонение души Господу

ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ Еп. ГЕОРГИЙ

Жизнь человеческая в своей глубине неизъяснимо таинственна. Эта жизнь наша является даром Божиим, данным нам свыше и ничем не заслуженным с нашей стороны, даром бесконечной любви нашего Творца, неким постоянным чудом, за которое можно только снова и снова благодарить. Слава Богу за все! Таинственна жизнь. Но особенно таинственна для нас — смерть,

кончина земной жизни, когда этот дар Божий как будто опять отнимается от нас, как будто для нас исчезает, но на самом деле, как знает наша вера, совсем не отнимается и не исчезает, а только переносится в иной план бытия, в план пока что не видимый для нас. “Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Ибо у Него все живы (Лук. 20, 38).

Для неверующего человека, старающегося действительно поистине проникнуть в тайну смерти, смерть сама по себе и вся человеческая жизнь, кончиной которой является смерть, должна оставаться в конечном итоге чем-то непонятным, мрачно-загадочным. Но для верующего человека смерть — предмет веры и даже надежды. За мрачными и страшными для нас вратами смерти — вера наша видит вечную жизнь, вечный свет. За этими мрачными вратами происходит встреча каждого из нас с нашим общим Господом и Творцом, принимающим каждого приходящего, который в своей земной жизни жаждал от всего сердца истинной жизни и света. Поэтому мы, христиане, уже не должны “скорбеть о умерших”, как прочие люди, “не имеющие надежды” (I Фесс. 4.13). Среди печали и скорби сердце наше должно быть готовым предчувствовать уже и пасхальную радость тамошней жизни, радость, которая своей внутренней силой свидетельствует о преимуществе веры нашей перед всеми чаяниями лишь чисто человеческими.

“Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего: но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его. А “души праведных в руке Божией” (Прием. Сол. 2, 23-3). “Завистью диавола” смерть вошла в человеческую жизнь вслед за грехом. Она появилась как “возмездие за грех” (Римл. 6, 23) — после того падения, которым мы пали по научению диавола. Но раз впавший в эти диавольские сети греха и смерти человек вырваться оттуда уже один никак не может. По собственной вине человек послушался диавола и пал в яму, откуда выйти уже он сам не может. Человек нуждается в спасении от Бога. Только Один Бог Творец по милосердию Своему может его спасти. Ради

этого явился на землю, родился с нами и умер с нами и за нас — безгрешный Богочеловек, и Он наполнил все пределы нашей жизни светом Своего присутствия и расторгнул узы наши огнем Своего Божества. Смертью Крестной и Воскресением Своим Христос — воплощенный Бог — преодолел власть смерти над нами. Он восстал из гроба и вошел в славу Свою. И если мы теперь с Христом соединяемся — и в жизни нашей, и в смерти нашей — верую в Него и Таинствами Его, то и мы в последний день этого временного мира не только со-восстанем с Ним, но и войдем с Ним в славу. Но и уже теперь временная смерть наша для нас будет лишь блаженным переходом в иную, лучшую жизнь. “Я есмь Воскресение и Жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня, не умрет во век” (Иоан, 11, 25-26), — говорит Господь. Воскрес Христос из мертвых, воскреснем и мы вслед за Ним. Христос воскрес, и уже никто из верующих в Него не лежит во гробе без надежды. “Господь истинно воскрес” (Лук, 24, 34), и мы истинно воскреснем с Ним. Жены мироносицы, пришедши в третий день к гробу Христову, нашли его пустым, потому что то пречистое Тело, которое Иосиф с Никодимом положили туда в Великую Пятницу вечером мертвым, в Пасхальную ночь восстало оттуда живым. “Что вы ищите Живого между мертвыми? — говорит Ангел женам. — Иисуса ищите Назарянина, Распятого. Он воскрес; Его нет здесь” — во гробе (Лук. 24, 5; Марк 16, 6). И те самые язвы, которые Распятый в Великую Пятницу принял от гвоздей и копья, осязает десять дней позже на прославленном Телѣ Воскресшего Апостол Фома. “Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите!”, — говорит Воскресший Своим ученикам (Лук. 24, 39).

Распятый воскрес. Умер Он как человек, подобный нам. Но, как Бог, Он воскресил Свое умершее человеческое Тело из гроба. Если Христос был бы только Богом, а не Богочеловеком, не Богом воплотившимся, Он не мог бы умереть. А без Его смерти мы не спаслись бы от смерти. И мы не могли бы петь в светлую ночь, что Он воскрес “из мертвых, смертию смерть поправ”.

Спаситель, распятый на кресте.

Именно благодаря Его смерти спасаемся мы от смерти.

Если Христос не был бы истинным человеком, не было бы Крестной смерти на Голгофе. Но если Он не был бы Богом, сама эта Крестная смерть осталась бы бессмысленной; бессмысленными оставались бы тогда и

все иные бесчисленные страдания человечества. Ибо если Христос не был бы Богом, после смерти Его не было бы Воскресения Его и живоносного гроба. Как истинный Бог и истинный человек — смертью и Воскресением — Христос совершил дело нашего спасения. Вхождение Христа Богочеловека в темную область нашей смерти означает конец самой смерти. “Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жи-

тия вечного начало“. Смерти больше нет как таковой. “Егда снизшел еси к смерти Животе бессмертне, тогда ад умертвил еси блистанием Божества“... Смерть уже не является темницей без выхода для всех попавших в нее. Нужно нам только посредством веры — и в жизни, и в смерти — следовать за Христом Богочеловеком,

Умершим и Воскресшим за нас. И тогда, если мы умерли с Христом, то и воскреснем с Ним. А те слова, которые сказал Ангел святым Мироносицам, будут иметь отношение и к смерти каждого из нас: “Что вы ищите живого среди мертвых?“

“Возлюбленные, — говорит Апостол, — мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть“ (I Иоан. 3, 2). Знаем, что “тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие“ (I Кор. 15, 53). И “поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц“ (Ис. 25, 8). Ожидаем воскресение мертвых и жизнь будущего века. Аминь.

БЕССМЕРТИЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Солнце скрылось за горизонт; погасла вечерняя заря. Но вот рассеялся, исчез мрак ночи, и уже занимается утренняя заря... Вера и надежда прозревают светлую зарю новой славной жизни после мрака смерти... Умиравший человек — заходящее светило, заря которого уже блещет над другим миром.

“О, человек, непременно бессмертный, хотя бы ты о том не думал, хотя бы и не хотел того! Берегись забывать твое бессмертие, чтобы забвение о бессмертии не сделалось смертоносною отравой и для смертной жизни твоей и чтобы забываемое тобою бессмертие не убило тебя навеки, если оно тебе, не ожидающему его и неготовому, внезапно явится. Не говори отчаянно: утре умрем, чтобы тем необузданнее устремляться за наслаждениями смертной жизни. Говори с надеждою и страхом: “утре умрем на земли и родимся или на небесах, или в аде“. Итак, надобно поспешать, надобно подвизаться, чтобы питать и укреплять в себе начало к небесному, а не адскому рождению“.

(Филарет, митр. Москов.)

БЕСЕДА СТАРЦА О БУДУЩЕМ ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕКА

Братья спросили старца: “Каковы будут тела наши после всеобщего воскресения?” — Старец отвечал:

“Тела наши будут тогда подобны зеркалу, изображающему в себе предметы. В них ясно изобразятся все дела наши и обнаружатся пред всеми: в телах целомудренных все увидят их прежние подвиги и труды, а тела нечистые явят всем свою нечистоту и безобразие”.

— “Как явится то, что сокровенно и невидимо?”

— “Так же, как открываются плоды, сокрытые в дереве. Вы знаете, что когда придет весна, то дух ея заставляет деревья мало-помалу раскрываться, обнаруживать то, что в них было сокрыто, износить из себя цветы и плоды. Так и Господь повелит телам нашим в день судный явить все тайное, открыть и дела, и слова наши — дела, как плоды, а слова, как листья”.

— “Не бывает ли и нынче чего подобного в теле?”

— “Нечто подобное можно видеть и ныне. Не изнасит ли тело наше по временам то, что в нем сокрыто? Так, в первом возрасте выходят у нас зубы, далее начинает расти брада, а в старости являются седины. Но в великий день судный должно открыться все сокровенное. Тогда и дела, и слова, и помышления каждого, ныне сокрытые и невидимые, будут совершенно явны и открыты. Ничтоже бо есть покровено, еже не открытсся, и тайно, еже не уведено будет (Мф. 10, 26). Придет Господь, иже во свете приведет тайная тьмы, и объявит советы сердечныя; и тогда похвала будет ко муждо от Бога (I Кор. 4, 5)”.

— “Милосердный Господи! покрой тогда безобразие наше, да не явится тайное нечестие наше перед ангелами и архангелами, пред апостолами, и всеми праведниками”.

— “Но если страшно нам явиться во всем безобразии пред судилищем Христовым, то послушаем Божественного Апостола, который говорит: очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню во страхе Божии (2 Кор. 7, 1). Когда же все скверны очистим покаянием, то в день открытия всех тайных дел наших и помышлений облечемся не стыдом и посрамлением, а

славою и честию“.

— “Что мы должны делать для лучшего очищения себя“.

— “Будем чаще возносить ум наш от земного к небесному, к ликам ангельским, к красотам непреходящим и вечным царствия небесного. Размышляйте также о том, как явится Бог и Спаситель наш Иисус Христос, о том времени, когда небеса с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сторят (2 Петр. 3, 10), о том, как предстанут пред Судиею мира все человеки от Адама до последнего рода, и как праведные, по определению Господню, примут царствие небесное, а грешные отосланы будут на вечныя мучения. Вот о чем надлежит всегда помышлять нам! Такие размышления произведут умиление в душе, и душа принесет плоды добродетелей во славу Христа, истинного Бога нашего“.

(По прологу, 14 марта)

* * *

“Нестерпимы геенна и будущее мучение, но если представим и тысячи геенн, не изобразим ничего равного бедствию — стать ненавистным Христу, услышать от Него: “не вем вас“. Легче принять на себя тысячу молний, нежели кроткое лицо Господа увидеть отвращающимся от нас и мирное око Его, не тепящим взора на нас. Любящему прискорбно не то, что за оскорбление им любимого терпит какое-либо зло, но паче всего то, что оскорбил любимого. Будем держаться той мысли, что тяжело не мучения терпеть, а грешить. Если бы Бог и не наказал нас, то самим нам надлежало бы подвергнуть себя наказанию за то, что были столь неблагодарны к Благодателю. Если любим Христа, как должно, то сами себя будем наказывать за грехи свои“.

(Иоанн Златоуст)

Однажды старец молился так: “Господи! дай мне познать мучения грешников, чтобы мне от великих Твоих милостей ко мне недостойнейшему никогда не забыться, что я великий грешник“. Недолго спустя после таковой молитвы в один день (говорит сам о себе ста-

рец Зосима) вдруг я почувствовал неизъяснимое страдание во всем существе моем, в душевном, телесном и духовном; этого ужасного страдания невозможно выразить никакими словами: душа известилась, что это адское мучение грешников. Я не видел ничего и не слышал, но только все во мне страдало и томилось неопостижимо: душа, все тело, каждый, кажется, волос на голове страдал... И я в трепете упал на молитву пред Господом, но произнести ничего не мог, как только с крепким воплем воззвал: “Господи помилуй!“ — и Он помиловал, и вдруг все миновалось, и слезы умиления и благодарения сами собой полились обильно“.

О смерти и бессмертии

*Святителя Иннокентия
Херсонского*

Слово о смерти вообще

Избрав предметом своим смерть, мне хотелось бы этого последнего врага нашего, как называется смерть в слове Божиим, изобразить перед вами так, чтобы ветхий и плотской человек наш поражен был всем ужасом, который может произойти в нем от гроба и тления, и чтобы в то же время новый и духовный человек в нас, живущий верою и упованием, мог поднять при этом голову и найти для себя утешение в том самом, чего так трепещут плоть и кровь.

То есть я желал бы, чтобы в нас от размышления и собеседования о смерти осталось на всю жизнь два чувства: чувство спасительного страха, который бы служил нам оградой от прелестей и соблазнов мирских, щитом против собственных страстей и похотей, и чувство упования христианского, которое возносило бы нас над недостойными христианина малодушием и отчаянием, сопровождающими смерть детей века сего, служителей греха и плоти. христианин с Евангелием в руках смело идет на кладбище: для него нет там мрака непроницаемого; он ясно видит не только начало, но и конец смерти.

Священник совершает панихиду по усопшему

Если бы кто-либо из небожителей, никогда не бывавших на земле, нами обитаемой, явился на ней и обратил внимание на наш род человеческий, то что бы, вы думаете, наиболее могло поразить его взор? Мне кажется, что его, скорее всего, удивила бы и поразила наша ужасная смертность. В лице человека он тотчас узнал бы владыку земли, которому все подчинено и волею или неволею служит; а в смерти он тотчас увидел бы лютого врага и тирана, которому этот владыка земли отдан в жертву наряду с последними из бессловесных тварей.

Ангел сходит к душе усопшего,
по которому совершается панихида

И долго бы нужно было ему ожидать, чтобы сделать это последнее заключение о нас? Ни единой даже секунды. Потому что на земле, на которой мы обитаем (узнайте и ужаснитесь!), не проходит ни одной секунды без того, чтобы кто-либо не умер. Так что если бы считать непрерывно и по порядку ряд смертей человеческих, то этот подсчет мог бы служить вместо самых верных часов для измерения нашего земного времени. Настолько бременен и мимоходящ образ бытия нашего здесь!

Почти одна четвертая часть людей для того только по видимости и рождается, чтобы умереть, не оставив следа бытия своего, кроме разве что в растерзанном скорбью сердце родителей. Для многих минута рождения служит вместе и минутою скончания, многие умирают, не входя на свет, имея гробом утробу матернюю. Из остающихся жить едва третья часть достигает юношества и едва половина переходит за середину жизни; а доживающих до последних пределов жизни (и велики ли они? 70, 80 лет!) так мало, как колошевы, которые ускользнули из-под серпа жнеца.

Никто не свободен от смерти. Войдите в полуразвалившуюся хижину — увидите гроб, на горах смерть, в долинах смерть, на морях и реках смерть. Всему есть сроки и время, смерти — нет. Она проходит мимо старца и похищает юношу; оставляет младенца и берет мать, его питавшую; этот употребляет все средства, чтобы избавиться от неважной, судя по всему, болезни и умирает от нее; а тот делает по видимости все, чтобы расстроить свое здоровье и сократить дни, и живет.

Мудрец умирает, не довершив своих открытий, над которыми трудился целый век; полководец умирает в вечер перед битвой, которая должна решить судьбу его Отечества; возвращающийся из дальнего пути сын умирает за час до встречи с отцом; невеста или жених умирает, только возвратившись или и не возвратившись из-под венца брачного.

Смерти нет дела ни до чего нашего, человеческого: это скелет без сердца и души, с одной косой и серпом. Чаще всего она любит перед собой посылать, как вестника и предтечу, различные недуги и болезни: иногда, как бы любуясь страданиями своей жертвы, замедляет приход и удар свой; но она же любит поражать и внезапно, как ночной вор.

Сколько людей не встало от сна ночного, погружившись в него с замыслами на многие годы! Сколько уснуло последним сном за трапезою! Сколько не возвратилось в дом, выйдя на несколько минут!

Вот человек, который всю жизнь посвятил Богу, вере, добродетели и человечеству. Все желали как милости от Неба продолжения дней его. Но смерть не внимает ничему, — и праведник лежит бездыханен.

Преставление старца

Смотря на все это, кто вместе со святым песнопевцем не воскликнет от всей скорбной души: *Что это за совершившееся над нами таинство? Как мы были преданы тлению? Как сочетались со смертью?** Вопрос горький, неизбежный, но кто из людей в состоянии сам собою разрешить его? Нет голоса и ответа из могилы; *нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада* (Прем. Сол. 2: 1).

Поэтому удивительно ли, если и мудрейшие из людей, руководимые собственным бедным разумом и имевшие притом несчастье потерять чистоту души и совести, приходили к ужасной мысли, что *случайно мы рождены и после будем как небывшие* (Прем. Сол. 2: 2)?

Познаем же преимущество нашего пребывания в вере христианской и возблагодарим Господа, что Он без всяких заслуг наших судил нам увидеть жизнь в недрах Церкви. Теперь юноши и младенцы больше знают о цели бытия человеческого и о жизни нашей за гробом, нежели знали о том все мудрецы и философы языческие. С Голгофы от Креста и Гроба Господня все видно и все ясно. Теперь мы знаем не только начало, но и конец, можно сказать, смерть самой смерти, как это будет ясно из следующих собеседований наших. Аминь.

* Из последования погребения, стихиры прп. Иоанна Дамаскина: «Что сие еже о нас бысть таинство? Како предахомся тлению? Како сопрягохомся смерти?»

Слово о смерти

Как ни поверхностно рассматривали мы в прошлый раз владычество смерти над родом человеческим, но и при этом не могли не видеть, как оно разрушительно и ужасно своей неизбежностью для всякого: *какой человек поживает и не увидит смерти* (Пс. 88: 49)?

Ужасно это владычество также неизвестностью часа смертного: кто может знать и сказать, что он умрет не прежде, как тогда-то? Ужасно оно и предшествующими обыкновенно всякой смерти страданиями телесными и душевными; ужасно даже отсутствием всяких страданий, когда смерть постигает человека совершенно внезапно и нечаянно.

Хотите ли взглянуть на последствия власти смерти над человеком, чтобы сильнее и прочнее пробудить в себе спасительный страх смерти, столь нужный и благопотребный для нас в деле нашего покаяния и спасения? Если так, то да будет вам известно, что последствия власти смерти во всех отношениях чрезвычайно важны и решительны, словом сказать, таковы, что кто раз вникнет в них и уразумеет вполне их силу и значение, у того никогда они не могут выйти из головы и мысли.

Мы даже не осознаем этих последствий, сопровождающих умершего человека в другом мире, куда он переходит от нас, и которые мы,

Ангел заносит имя души в вечные обители

при всей важности их, не способны видеть, а только можем и должны предполагать. Рассмотрим хотя бы последствия, касающиеся нашего мира и находящиеся потому перед нашими глазами, о которых мы имеем возможность рассуждать. Они чрезвычайно важны, неотразимы и решительно непреложны!

Во-первых, в самом существе человека заключена интересная особенность. До смерти, как бы он ни страдал, в каком бы ни находился истощении и безобразии, хотя бы был подобен Иову на гноище,— он все еще человек, существо живое, чувствующее и разумное.

Приходит смерть — и этот человек, хотя бы за минуту до этого был крепок и цветущ здоровым, становится бездушным. У него остается все, что было прежде, но без всякого действия: глаза не видят, уши не слышат, губы сомкнуты, руки, ноги и даже само сердце — недвижимы. И этот телесный остаток человека вскоре все больше и больше теряет свой вид и начинает разлагаться на части, после чего от человека остается, и то не навсегда, только несколько голых костей, несколько горстей праха.

Из этого можно заключить, какая ужасная перемена должна происходить с человеком после его смерти! В смерти оставляет человека все телесное: он остается и делается одним духом, не имеющим вовсе плоти и крови; вместе с тем должен существенно измениться весь образ бытия человеческого и всех его отношений к себе подобным и ко всему миру.

Пока человек в теле и жив, он занимается чувственным и телесным; телесное и видимое доставляет ему способы к поддержанию своего бытия и к занятию душевных способностей. С приходом смерти этот союз с видимым и чувственным прекращается навсегда. Без тела человеку уже совершенно не нужно то, над приобретением чего он должен был прежде так много трудиться и в чем полагал свое блаженство.

С другой стороны, и то, чем занята была душа его, как бы ни казалось оно привычным, любезным, необходимым, все это нужно оставить и навсегда. Потому что без тела и чувств

Ангел вручает душе одеяние и венец

нет уже средств и возможности заниматься тем, чем человек занимался прежде.

Таким образом, у служителя алтаря нет больше ни алтаря, ни храма; у любителя наук и знаний нет больше ни звезд на небе для наблюдения, ни трав и животных на земле для рассмотрения; у пахаря — полей для возделывания; у купца — предметов торговли. Для умершего нужна уже новая пища, новый круг занятий, соответствующие его новому образу бытия в другом мире.

Говорить ли после этого, что смерть прекращает навсегда всякую деятельность человека, в чем бы ни застала она его при своем приближении. Вы трудились над каким-либо великим

и общепольным делом, и немного времени уже требовалось для окончания его.

Без вас даже, может быть, никто больше не в состоянии закончить его. Смерти нет дела до этого. Она приводит с собою конец вашему земному бытию, и незавершенное вами остается для вас таким навсегда.

Успели вы распорядиться вашим имуществом и объявить последнюю вашу волю — хорошо, не успели — оно пойдет без вашей воли, куда бы вы вообще, может быть, не хотели. Вам крайне хотелось бы переменить что-либо из ваших прежних действий, например, примириться по-христиански с недругом, вознаградить кого-либо из обиженных вами, оставить кому-либо знак своей любви и уважения; если этого не сделано до смерти, то никогда уже не будет сделано. Смерть однажды и навсегда полагает конец нашей земной деятельности, в чем бы она ни состояла и чего бы ни требовала.

Если бы можно было умершим, по крайней мере, передавать каким-либо образом в наш мир свои желания! Многие, если не все, из наших родных и близких сочли бы за долг для себя привести их в исполнение; но это невозможно! Лишившись своего тела, человек вместе с ним теряет все средства к общению с этим миром и с оставшимися в нем, которые, со своей стороны, будучи облечены телесностью, не в состоянии проникать в область духов, где находятся умершие.

Поэтому как бы вас ни продолжали любить здесь, как бы ни желали вам всякого блага за гробом, никто не в состоянии знать и исполнить вашу волю. А вы не способны передать ее им.

О вас будут жалеть и плакать, о вас будут молиться и во имя ваше благотворить, к чему так располагает всех чад своих Св. Церковь; но общения с вами ни у кого не будет. Все намерения, желания, нужды ваши погребены будут с вами навсегда, и на земле о них никто не узнает, разве Сам Господь благоволит открыть о них кому-либо особенным образом, что, как видим из священной истории, бывает крайне редко.

Помыслите, братья мои, обо всем этом и ужаснитесь! Помыслите и извлеките из этого правила для своего поведения в жизни. Они кратки и просты, но очень полезны и необходимы для каждого. Если тело наше в смерти должно оставить нас и обратиться в прах, что, может быть, уже весьма близко к нам, то благоразумно ли заботиться непрерывно об одном теле и оставлять без внимания состояние нашей души, с которой мы останемся на всю вечность? Если мир, нас окружающий и всецело занимающий, должен в смерти исчезнуть для нас навсегда, то благоразумно ли ограничивать им всю деятельность нашего духа, привязываясь к нему всеми силами сердца и не готовить себя к деятельности высшего рода, которая встретит нас за гробом, запасать заблаговременно то, что там будет нужно?

Видение Смерти

Если деятельность наша в этом мире со смертью совершенно прекращается, и поскольку невозможно по смерти не только завершить или окончить что-либо из дел наших, но и даже знать здесь кому-либо о наших желаниях, то не нужно ли стараться каждому делать, что необходимо, заблаговременно, не ожидая часа смертного, который может постигнуть внезапно?

Здесь-то можно повторить слова Спасителя: *Миришь с соперником твоим скорее* (Мф. 5: 25), то есть с правосудием Божиим и совестью твоей,

пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта (Мф. 5: 25 — 26).

Приготовь светильник и елей добрых дел, пока не наступила полночь, не пришел внезапно жених и не затворились перед тобою двери чертога. Аминь.

Слово первое о том, что такое смерть

Что такое смерть? Что происходит с человеком в то время, когда умирает он? Как разрешается душа человека от тела?

Что же по наблюдению наших чувств происходит с человеком во время смерти? Закрываются глаза, престаёт в нем всякое движение, теряется самосознание? Но это бывает и при каждом сне человека. Прекращается дыхание, останавливается сердце и кровь, исчезает теплота в теле? Но это замечается и в глубоких обмороках. Чем же смерть отлична от глубокого сна и обморока? Тем, что от сна пробуждаются, от самого обморока, как бы он ни был глубок, приходят в чувство, а от смерти — никогда.

Значит, в смерти происходит с человеком нечто сторицно большее, нежели во время сна, большее, нежели в большом обмороке. Что же именно? То, что в теле человека в час смерти исчезает самое первое и последнее начало жизни, и оно, сделавшись чрез то совершенно неспо-

собным к обитанию в нем души, оставляется ею навсегда.

Разлука души с телом составляет посему последнюю степень и сущность смерти. Доколе душа не разлучилась от тела, дотоле как бы ни страдал человек, какому бы ни подлежал бедствию, он может быть воззван к жизни; но когда душа оставила тело, то хотя бы оно само по себе и не было много расстроено,— все кончено, всякое усилие и помощь искусства напрасны, умерший человек может ожить только силою Того, Кто един силен сопрячь душу с телом действием всемогущества.

Каким образом происходит самое разлучение души от тела? Этого не могут сказать ни чувства, ни наш рассудок. Не могут сказать чувства, потому что душа сама по себе невидима и в продолжение жизни; как бы они увидели, как она выходит из тела? Не может сказать и рассудок, так как соединение души с телом есть тайна для него. Если бы он знал эту тайну, то знал бы и то, как разрешается душа от тела.

Как же без этого узнать, что душа оставила тело и человек умер действительно, а не кажется только таковым? По действиям, которые влечет за собой разлука тела с душою. Оставленное душою, оно теряет всякую жизненность и предается тлению. Разрушение дома показывает, что уже жилища в нем нет.

Вся ли телесность спадает с души во время смерти? Не уносит ли она с собою из нашего

мира какого-либо тончайшего покрова вещественного? Может быть. Ибо собственно бестелесен един Бог, как дух чистейший и всесовершеннейший.

Сами Ангелы, явившись в наш мир, являются в образах телесных. А душу нашу мы не умеем и представить себе иначе, как в телесном очертании. Если и уносить, то такой, которая тонкостью своею превосходит все видимое, ибо мы ее не видим. Но потому что не видим, не можем отрицать существования души; ведь мы и вокруг себя не видим много таких вещей, который принадлежат еще, и притом постоянно, к нашему миру и суть вещественны; но по тонкости своей невидимы для нашего глаза.

Откуда душа в смерти возьмет нужное для себя (если действительно нужно) облачение? Из того же тела, оставленного. Потому что в теле человеческом, как и во всех телах, есть много удобо- или неудоборазрушимого; есть нечто такое, что разрушается на части и исчезает; и всегда есть нечто совершенно неразрушимое, которое не подлежит никакому тлению.

Это-то неразрушимое в нашем теле может оставаться при душе после смерти, составлять ее одеяние и заменять до некоторой степени недостаток тела до будущего воскресения. Оно-то, может быть, должно служить основанием и как бы зародышем тому будущему телу, в которое душа облечется в день всемирного воскресения.

Кто хочет углубиться в сей важный предмет, тот пусть прочитает пятую главу во Втором Послании святого апостола Павла.

Итак, в смерти находятся две как бы стороны: одна — обращенная к нашему миру, и потому нами видимая; другая — обращенная к миру духовному и потому нами не видимая. Мы, можно сказать, видим начало смерти, а середина и конец ее должны быть видимы для тех, кто смотрит оттуда.

Умирающего можно уподобить человеку, который бы из той комнаты, в которой мы находимся, уходил от нас сквозь стену. Как он подойдет к стене, мы увидим, но как выйдет из нее по другую сторону, этого мы не можем видеть по причине самой стены, сквозь которую он проходит.

Поскольку смерть имеет, таким образом, две стороны, чувственную и сверхчувственную, то у явления этого, без сомнения, и два рода зрителей. Отсюда на умирающего смотрим мы, а оттуда смотрят духи и души бесплотные. Так как быть не может, чтобы человек, вступая в новый мир, не обретал кого-либо у порога его для своего руководства.

Здесь первое всего душа отшедшего видит своего Ангела Хранителя и своего ангела искусителя. Ибо где же и быть им, как не при развязке дела, которым каждый из них занят был столько времени? Тут, без сомнения, встречаются

душу Ангелы и души праведных, если она того достойна, и тут же окружают ее духи злобы, если она в продолжение жизни имела несчастье следовать их внушениям, набраться их духа и настроиться по их нраву и образу.

Но мы еще возвратимся к этому предмету. Теперь посмотрим снова вообще на смерть. Из всех явлений в жизни человека это самое поразительное и важное. Равносильно ему, и то не во всех отношениях, только рождение человека.

Тут человек начинает жить, и начинает постепенно; целые годы проходят, прежде чем нежели он совершенно вочеловечится. В смерти, особенно в некоторых смертях, конец вдруг: нет продолжения, нет иногда и предварения. Если представить, как тесно соединены в продолжение жизни душа с телом, так как известно, что

составляют они одно нераздельное целое, то в час смерти это целое раздваивается совершенно и навсегда: человек из существа чувственного становится духом бесплотным.

Тут поэтому происходит гораздо большее, нежели при рождении; ибо хотя младенец, находясь в утробе матерней, жил не так, как живем мы, но все же жил нашей чувственной жизнью и, выходя на свет, переменил лишь образ жизни; в смерти — больше: тут всякий чувственный род жизни оставляет человека вместе с телом, и он должен уже жить одним духом, наподобие того, как живут Ангелы.

Много было бы перемен с человеком, если бы его восхитить от земли и переставить жить на какую-либо из звезд или на солнце; но смерть делает больше, потому что на звездах и на солнце, хотя в другом виде, но те же стихии, что и у нас; а смерть разобщает человека со всеми нашими стихиями, ставит его выше всего чувственного.

Уже одно это делает смерть крайне важной для человека, и кто имеет разум и любовь к самому себе, тот не может во всю жизнь не думать ни о чем столько, как о своей смерти, и ни к чему так не готовиться, как к ней.*

* Не окончено.

Слово второе о том, что такое смерть

Как ни слабо и кратко изобразили мы в прошедшем собеседовании владычество смерти над родом человеческим, но из этого краткого

и естествоиспытатели не могут сказать определенно, в чем существо смерти, не могут нередко даже сказать того, действительно ли последовала смерть такого-то человека. Именно из-за этого установлено столько предосторожностей, принимаемых законами и правительствами, чтобы не был сочтен за умершего кто-либо, кто еще не умер, и не был бы погребен заживо.

Что же после этого сказать нам о ней? Скажем в первую очередь о том, что смерть есть тайна. И тайна великая и неисповедимая! Так угодно было Промыслу Божию, и, без сомнения,

Господь Бог,
Отец, Сын и Святой Дух, Троица Единосущная и Нераздельная.

сделано так по самым убедительным причинам и для самых благих целей.

Чтобы сделать для нас понятным феномен смерти, нужно объяснить отношения двух миров — нашего чувственного и духовного, времени и вечности. Хватило бы у нас понятий и слов для этого? Недаром, когда наша человеческая мудрость подходит к данному предмету, то, при всей охоте к многословию, невольно немеет и не знает, что сказать. Неужели Откровению для этого нужно было изобрести новый особенный язык и научить нас ему? И даже если бы такое было для Него возможно, для чего бы это было нужно?

Разъяснение тайны смерти скорее всего послужило бы нам больше во вред, нежели в пользу; удовлетворив одному любопытству, по всей вероятности, это вместе с тем лишило бы смерть благотворного действия на нашу нравственность. Тогда мы приближались бы к смерти, как к какому-либо темному проходу сквозь горы и леса, вход и выход которого мы знаем. Величественный и священный мрак смерти потерял бы для нас свой спасительный страх и значение.

Но как же, помыслит кто-либо, возможно было оставить нас в совершенном неведении о таком предмете, каков конец нашей жизни? Благодарение Богу, мы и не оставлены в нем. Слово Божие сказало нам все, что нужно для нас знать об этом предмете, как мы увидим в следующем собеседовании нашем.

Теперь же извлечем из самой таинственности нашей смерти урок, для нас полезный. Нам предстоит великое и неразгаданное событие — смерть. Насколько же неразумны те из нас, которые живут, вовсе не помышляя о том, что ожидает их в конце жизни!

Этот всеобщий упрек я обратил бы особенно к тем из нас, кто во всех занятиях своих водится в большей степени любознательностью и любопытством, каковы преимущественно люди, посвятившие себя наукам. Кто бы ты ни был, возлюбленный брат, вот тебе предмет для размышления: собственная смерть твоя! Аминь.

Слово первое о происхождении смерти

Откуда смерть в людях? Вопрос чрезвычайно важный не только в отношении природы смерти, но и в отношении ее последствий, оказывающих влияние на всю нашу жизнь. Поскольку если я умираю потому, что такова именно была всегда и есть природа человеческая, то мне, оставив всякую дальнейшую заботу о состоянии по смерти, остается только покориться необходимости и отдать дань природе.

А если, напротив, смерть не есть следствие непреложного устройства моей природы, а действие какой-либо особенной причины, испортившей мою природу, то мне нельзя не подумать

прилежно о том, нет ли средства если не уклониться от смерти, то, по крайней мере, переименовать ее свойство для меня, защитить себя от ее разрушительных последствий, обезвредить себя, так сказать, от ее ядотворной силы.

Имея в виду это, спросим еще: откуда смерть в людях? Мы имеем под руками два противоположных ответа на этот важный, как мы видели, вопрос. В одном утверждается, что смерть есть следствие самой природы нашей, а именно бренности нашего телесного состава. В другом — что смерть не есть принадлежность нашей природы, а является случайным злом, вторгшимся в природу нашу чрез грех и преступление закона Божия.

Кто утверждает первое: что смерть для нас естественна и неизбежна по самой нашей природе? Так говорил весь мир языческий со всеми его мудрецами и философами до явления в мир христианства.

Так, сверх ожидания, утверждали и утверждают некоторые и из самих христиан. Это, сами не думая о том, некоторым образом подтверждаем мы сами, когда, желая сказать, что такой-то умер, говорим вместо того, что такой-то «заплатил долг или дань природе» — выражение языческое, перешедшее, к сожалению, и в христианство.

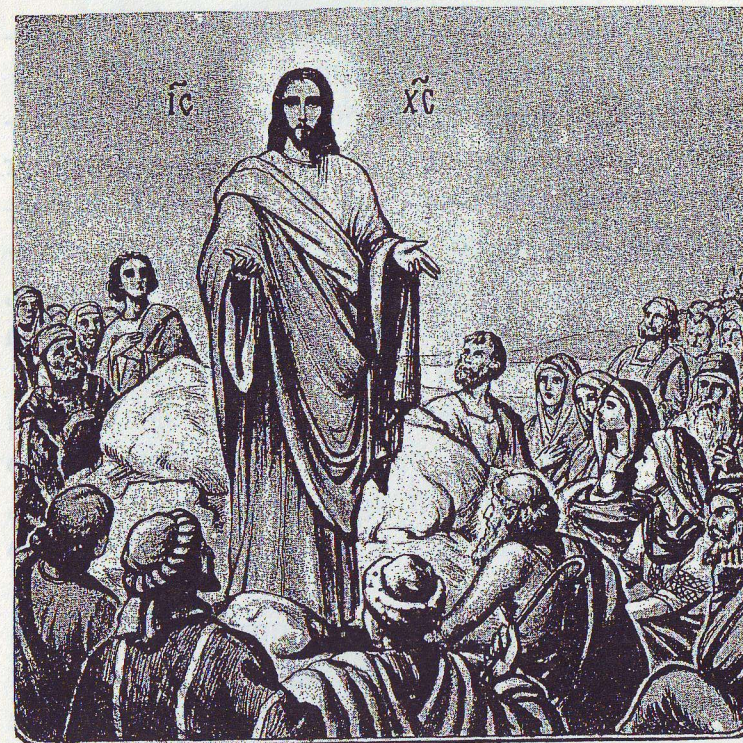
Кто учит, что смерть не есть дань природе, но греху, что она в нашу бессмертную природу вторглась случайно, посредством отпадения нашего от Источника жизни — Бога, через нарушение

Его животворной заповеди? Этому постоянно учит слово Божие; это внушали все пророки и апостолы; это же возвещал и Спаситель наш, и то же всегда принималось и ныне принимается Церковью Христовой.

Спрашивать, какое из этих двух учений истинное, значило бы оскорблять достоинство христианской веры и чувство каждого истинного христианина. Но поскольку, как мы видели, были и есть в самом христианстве люди, которые, следуя язычникам, думают, что смерть есть составляющая самой природы нашей, и поскольку Св. Церковь в день Торжества Православия находит полезным поражать отлучением это заблуждение, то мы сделаем нужное дело, если, в ограждение слабости, покажем нелепость этого заблуждения.

В чем состоит оно и на что опирается? На то, что смерть есть явление всеобщее и всегдашнее: так было и от века, что природа наша, то есть состав телесный, так бременен и уязвим, что со временем непременно ветшает, и трудно представить, как бы с этим нынешним телом мы могли жить вечно.

Все это совершенная правда: но кто же утверждает, что нам принадлежало бессмертие с этим смертным телом? Слово Божие, приписывающее нашей природе бессмертие, яснее всех мудрецов видит бренность нынешнего нашего тела и неспособность его к тому; почему и назы-

Иисус Христос учит народъ.

вает его «телом смерти». Если и дано этому телу бессмертие, то не нынешней нашей, падшей и греховной природе, а первобытной, какой она, выйдя из рук Творца, была в состоянии до грехопадения.

Тогда совсем другими были не только наши душа и тело, но и все вещи в мире.

Нам трудно теперь представить это первобытное состояние нашего бессмертия, потому что мы не видели его и не видим теперь ничего подобного ни в себе, ни в других. Но это не причина отвергать его существование, когда есть

крайне важные причины предполагать и допустить его. Какие это причины?

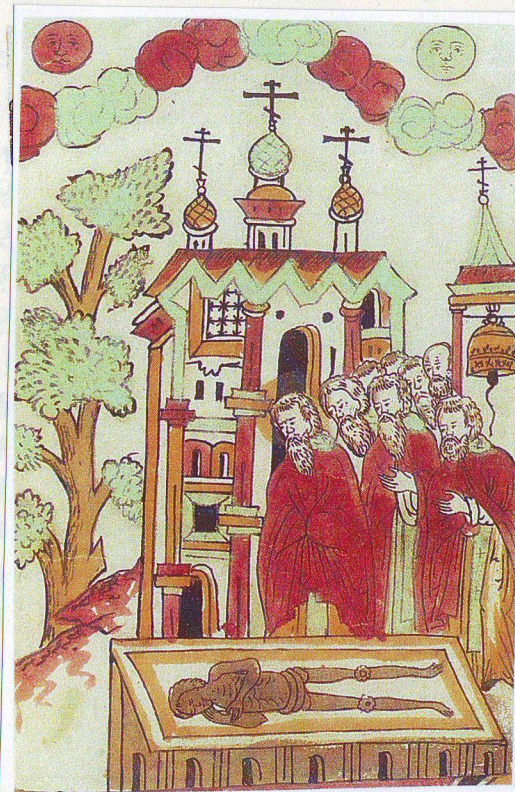
Во-первых, голос самой природы нашей, которая среди великих несчастий отвращается от смерти как от чего-то совершенно ей противоположного. Как бы ни затмевали в твоём уме здоровое понятие о вещах ложные мнения и мудрствования, стань у гроба, например, юноши, который вчера ещё был полон жизни и крепости.

Теперь он лежит пред тобою бездыханный и обезображенный смертью. Посмотри в лицо умершего и скажи, можешь ли ты утверждать, не запинаясь, чтобы это ужасное явление было делом природы?

Дело природы? Отчего же при этом содрогаются вся твоя собственная природа, сжимается сердце, цепенеет чувство, мутится ум, уста не знают, что сказать?

Если это природа, то я не знаю, как назвать её; в каком враждебном отношении представить к бедному роду человеческому, чем объяснить её свирепость над нами? В таком случае возможно лишь одно: принять, что над всем миром, в том числе и над людьми, господствует какое-либо темное и злое начало, которое увеселяется разрушением, услаждается слезами и мучением своих тварей.

А в мире и над нами, как показывает все окружающие явления, властвует Промысл Божий. Ты сам признаешь это. Если признаешь воистину и имеешь правильное понятие о Боге и Его совершенствах, то суди сам: могла ли смерть произойти от Бога и быть делом рук Его?

Монахи над гробом с телом усопшего

Это все равно, как если бы свет произвел из себя тьму. сладость источила горечь.

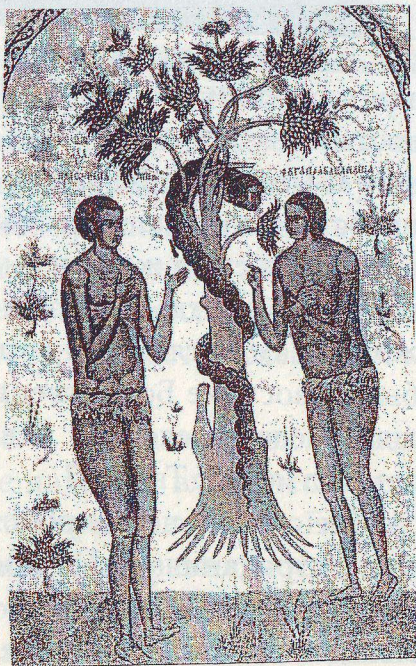
И почему бы так было? Разве у Всемогущего могло недоставать средств, чтобы, создав человека, не отдавать его в жертву смерти? И для чего бы так было? Кто отдается на смерть по суду человеческому? Самые тяжкие преступники. Где же было бы правосудие Божественное, если бы смерть была уделом человека невинного, каковым он вышел из рук Творца?

И пусть бы смерть не сопровождалась, по крайней мере, страданиями! Но посмотрите на большую часть умирающих: это ли дело природы и рук Божиих? Нет, или смерть не естественна для человека и есть, как учит Св. Писание, след-

ствие не природы и Творца, а плод повреждения и греха, или Творец не благ и не правосуден.

Поэтому те, кто легкомысленно думают, что смерть есть не что иное, как дань природе, должны вместе с тем уже иначе думать о Боге и Его совершенствах, или, точнее сказать, отвергать большую часть этих совершенств, как, к сожалению, и бывает со многими из них!

Мы же извлечем из нашего собеседования урок: не употреблять легкомысленно языческого выражения о смерти, что она есть дань природе; нет, эта дань не природе, а греху, или, пожалуй, и природе, но не первобытной, чистой и невинной, какою вышла она из рук Божиих, а природе падшей, какою сделал ее грех и диавол, как увидим в следующем нашем собеседовании. Аминь.

Искушение первых людей

Слово второе о происхождении смерти

В прошлом собеседовании нашем мы видели, даже при малом мерцании слабого ума человеческого, что смерть не есть и не может быть принадлежностью самой природы нашей и произведением нашего Творца, и что думать таким образом, как, к сожалению, думают некоторые, значило бы оскорблять величие Божие, и особенно Его несомненную, бесконечную благодать, и даже Его Правосудие. После этого представляется неизбежный вопрос: откуда же смерть и как она пришла к нам, в нашу природу и во весь род человеческий?

Собственная наша природа не дает на это ответа; не отвечают ни летописи, ни предания рода человеческого. Но Откровение Божественное дает такой ответ, который невольно принимает здравый разум человеческий, не зараженный мудрованием и предрассудками. Изложим его во всей простоте, как подобает важности подобного предмета.

Смерти не было и не могло быть во вселенной, в Царствии Божием, как в создании Существа Всесовершенного. Она есть произведение не Творца, а самых тварей, следствие злоупотребления ими свободой и деятельностью.

Тут весьма понятно для каждого, что существа разумно-свободные могли употребить и произвол, и волю, и силы свои, как захотели, — на добро или на зло: могли устремиться по пути правды и жизни вечной или, устремившись по противоположному пути зла и неправды, пойти вопреки законов своего Творца, отделиться от

Него, единственного Источника жизни и благого бытия, и в этом отделении от Него и противопоставлении Ему неизбежно встретиться с падением, превращением своих сил, истощением и, наконец, смертью.

Где и как произошло это ужасное разлучение существ разумно-свободных с Источником жизни и бессмертия — с Богом? Слово Божие говорит нам, — и кто бы мог сказать это нам без него? — что такое ужасное превращение последовало не на земле, а на Небе; последовало, по всей вероятности, еще до сотворения земли нашей и рода человеческого.

Первый мертвец был не на земле, в Эдеме, как мы обыкновенно представляем, а на Небе, у самого Престола Божия, и был не человек, а Архангел, даже едва ли не первый из Архангелов. Он был ближайшим зрителем совершенств Божиих, первым преемником Света несозданного и, следовательно, блаженнейшим из существ сотворенных.

Что могло недоставать к совершенству его, к упрочению за ним этого совершенства на всю вечность, кроме благодарного поминовения и любви к своему Преполому Создателю? Но этого-то именно и недоставало! Как и почему недоставало? Это тайна для нас непостижимая!

Но сей светоносный Архангел не устоял в своем чине, не удовлетворился своим достоинством и блаженством, восстал против своего Творца и Благотетеля, возмнил безумно, что не только может обойтись без Его благоволения, но и открыто вступить с Ним в борьбу.

Произошла брань твари с Творцом: Архангел с соратниками своими (ибо безумие его разделили с ним и другие Ангелы) не устоял против Всемогущего и с Неба был низринут в преисподнюю!

Побѣда святыхъ ангеловъ Божіихъ надъ бѣсами.

Вот первый мертвец и первое кладбище в мире! Не имея, как духи, нашего тела, возмутившиеся Ангелы не могли иметь нашей смерти; но вместе с возмущением своим, с отлучением через грех от Бога они тотчас потеряли жизнь и блаженство, сделались мертвыми для жизни в Боге, потеряли силу и блаженство. Как духи нетленные, они не могли потерять вовсе бытия, не могли разделиться на части и истлеть, как тлеет наше тело, но подверглись во сто крат большей смерти — вечному и невозвратному отлучению от Бога — единственного Источника всякой истинной жизни.

Можете представить, какой ужасный беспорядок должен был произойти во всем сотворенном мире от этого страшного превращения бесплотных духов, от этой смерти Архангелов и Ангелов! Тут можно было ожидать разрушения всей вселенной! Можно было ожидать, что само Творчество Божественное откажется более творить и производить новые роды существ разумно-свободных.

Но здесь и открылась бесконечная бездна премудрости и силы Божией. Явился новый мир — наш, и среди него человек. Он также, как увидим, не устоит в данном ему совершенстве, подвергнется в свою очередь смерти, но как бы именно для того, чтобы на нем открылось, что для всемогущества и благости Божией нет пределов, как мечтал безумно первый падший Архангел. Аминь.

Слово о том, как произошла смерть в роде человеческом

Мы видели, как смерть открылась в первый раз в мире, открылась вопреки намерению и воле Творца; видели, как произвел ее в себе падший Архангел и сообщил другим Ангелам. Теперь прибавим только одно: что эта первая смерть в мире ангельском была самая ужасная, ибо она тотчас сделалась смертью вечной, от которой нет воскресения.

Как ни ужасна была эта смерть, на нас она не имела никакого влияния, ибо нас, рода человеческого, даже нашей земли и неба, тогда еще не существовало. Между тем, для показания беспредельности Своего могущества и благости, Творцу благоугодно было произвести наш мир видимый, чувственный и телесный.

Во главу его произведено и поставлено такое существо, которое имело в себе и дух и тело. Это был первый человек — наши прародители. По душе своей и по своему внутреннему существу они были Ангелами; но эти Ангелы были облечены телесностью и в этом отношении походили на прочие телесные существа нашей земли.

Тело их своим видом, частями, действиями, без сомнения, походило на наше тело, но вместе с тем оно имело великое число совершенств, которых нет в нынешнем нашем теле. А главное — оно было бессмертно, не в том смысле, чтобы не могло умереть, как, например, душа, а в том, что заключало в себе возможность и способность не умирать, а жить вечно, чего нет в нынешнем нашем теле.

Эта драгоценная способность зависела от разных причин, а в первую очередь от того, что невинный человек являл собой образ Божий и был соединен со своим Первообразом. Вечная жизнь из существа Божия прямо струилась в существо человека, наполняя душу его, а через нее и само тело мощью и нетлением.

По этой причине телесная природа первых человеков была превыше нынешнего господства над нею стихий, по которому действуют на

нее столько начал разрушительных. В природе, окружавшей человека, ничто не вредило его здоровью и силам, а, напротив, все стремилось к поддержанию его, если бы в том была нужда.

Я говорю: если бы; ибо телесность человека чистая, проникнутая силой богоподобия душевного, вместо того, чтобы иметь нужду в поддержании своей силы, могла сама быть источником подкрепления и оживления для окружающих ее тварей, низших ее. По всему этому первый человек, несмотря на то, что в состав существа его входило тело чувственное, обладал способностью не умирать, а жить вечно.

Но он мог и умереть. Путь к этому несчастью был один — отделение от Бога, Источника жизни, причем неминуемо человек предоставлялся бы самому себе и, не имея в самом себе источника жизни, должен был подвергнуться бессилию и разрушению в той его части, которая могла быть разрушена, то есть во всей его телесности. А путь к разлучению с Богом для человека также был один — уклонение от воли Божией, грех.

У человека было все нужное до полноты и избытка для того, чтобы не впасть в грех и противление воле Божией и не потерять через это бессмертия.

Но в нем была свобода — дар высокий, необходимый для существа разумно-нравственного, но вместе с тем и крайне опасный; потому что по силе этой свободы и человек, как прежде Архангел на Небе, мог из себя сделать что угодно:

мог остаться в соединении с Источником жизни — Творцом своим, но мог и удалиться от Него, к величайшему своему вреду и пагубе.

Чтобы помочь человеку скорее обнаружить свою свободу и волю и через употребление их на доброе утвердиться в добре, Отеческий Промысел Божий дал человеку в испытание положительную заповедь о невкушении от плодов одного из райских деревьев. Этим все случаи к падению сводились в один случай, все возможные искушения невинного человека на зло (которые, как увидим сейчас, предстояли ему) сокращались в одно самое невеликое искушение, которое преодолеть было весьма нетрудно.

Чтобы еще более оградить человека от злоупотребления своей свободой и от всех противных внушений, Всеблагий Творец указал даже на пагубные последствия нарушения заповеди, данной человеку, и объявил прямо, что непосредственным следствием того будет смерть. *В день, в который ты вкусишь от него, (от плодов запрещенного дерева) смертью умрешь* (Быт. 2: 17), то есть, по силе этого выражения на священном языке, умрете неминуемо, ужасно, подвергнетесь бедствию величайшему.

Таким образом, мы всеми возможными способами со всех сторон были ограждены от опасности. Поскольку нам необходимо было показать свою свободу, решить самим, как существам разумным, свою участь, избрать, так сказать, себе образ бытия или в соединении с Богом, по Его намерению и плану, или по своему мудрованию и прихоти, то для нас нарочно изобретен

был к тому самый простой и легкий случай. Но вместе с тем приняты были и все меры, чтобы этот роковой опыт оказался с нашей стороны удачным и счастливым.

Вообразим теперь положение наших прародителей в Эдеме, даже поставим себя там вместе с ними (мысленно): вот перед нами запрещенное дерево с его плодами, а над ним заповедь Божия с угрозой смерти. Об этом положении должно сказать, что пророк говорил потом от лица Божия народу израильскому: *Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие* (Втор. 30: 19) — избирай, то есть, что хочешь!

Действительно, в Эдеме была перед лицом нашим не только жизнь, потому что мы ею пользовались, но также бессмертие и смерть. Кто бы мог ожидать, что мы будем так неразумны, так, можно сказать, враждебно ненавистны к самим себе, что отвергнем бессмертие и жизнь, а выберем произвольно смерть? Но именно так и случилось, как увидим в следующем собеседовании. Теперь же скажем еще несколько слов в пояснение нашего эдемского бессмертия.

Некоторых, как мы заметили прежде, смущает недоумение, как тело человеческое могло быть не смертным? А почему бы, спросим, оно — без греха — могло быть смертным? Откуда бы возникла в нем смерть? От Бога? Но Он наполнил всего человека даже Своею жизнью, которая с усовершенствованием человека довела бы его до обожения, как в телесной природе Спасителя нашего. Из мира внешнего? Но в нем не было нынешней смерти и тления. Из самого челове-

ка? Но в нем, пока он не пал в грех, была единая жизнь. Если солнце и луна до сих пор живы, то почему бы человеку не быть живу?

Все недоумения оттого, что мы составляем в этом случае свои суждения по телу нашему настоящему, но это тело не первобытное. Судить так стократ неправильнее, как если бы кто судил о драгоценной царской порфире, когда она обратилась в рубище. Вспомним слова ап. Павла: *Есть тело душевное, есть тело и духовное* (1 Кор. 15: 44). Первобытное тело должно быть близко к последнему, если еще и не было духовным, а в духовном нечему тлеть и разлагаться на части.

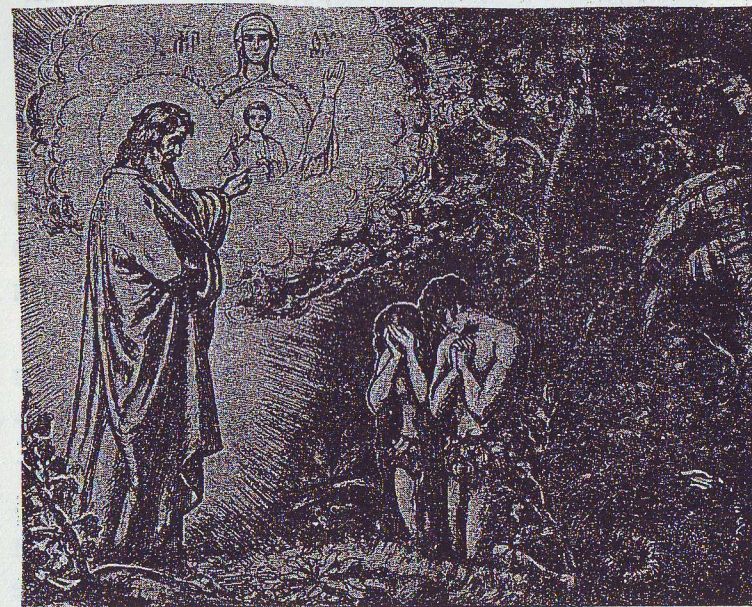
Неужели человеку, подумает еще кто-либо, не предстояло никакого изменения, неужели он должен был оставаться на земле вечно? Таким образом, совершенно недостало бы на земле места для обитания рода человеческого. Может быть, и предстояла человеку некая перемена бытия, некий восход в высшее состояние: но разве путь к этому одна нынешняя смерть? Посмотрите на Еноха и Илию, без смерти взятых из нашего мира! Посмотрите на возлюбленного Спасителя нашего, возносящегося с Елеона на Небо!

Аминь.

Слово о том, каким образом грех породил смерть

Мы видели, что смерть есть наказание за грех, что она произошла не из устройства природы нашей, а из плода запрещенного, или, что

то же самое, из нарушения заповеди Божией. Но здесь тотчас встречается нас новый и важный вопрос: каким образом грех породил смерть? Сам ли из себя, как из ядовитого семени выходит ядовитое древо, или заставив правосудие Божие навести на нас смерть извне?

Наказание за грѣхъ и обѣтованіе Божіе о пришествіи Спасителя

Поскольку наказания вообще бывают двоякого рода: одни проистекают из существа самых преступлений и следуют за ними, как тень за вещью; другие налагаются извне, правосудием Божиим или человеческим.

Так, например, мучения совести естественно следуют за всеми грехами, равно как и некоторые болезни прямо проистекают из некоторых

пороков. Это наказания за грех, так называемые естественные. Но бывают наказания за грех извне, как например, потоп; его навела за преступления на весь род человеческий всемогущая сила Божия.

Каким же образом, повторяем, грех родил смерть: сам из себя, или заставив правосудие Божие навести на человека смерть извне? Нисколько не сомневаюсь, братья мои, утверждать перед вами первое и сказать, что и в этом отношении Бог, как говорит Писание, смерти не сотворил, а она вышла сама собою из греха. Потому что мы не видим из священной истории, что по падении человека сделано было какое-либо особенное распоряжение к тому, чтобы он был поражен смертью.

Напротив, все действие правосудия Божия только в том и состояло, что человек был предоставлен самому себе или, точнее сказать, разрушительной силе греха, в нем воцарившегося. Правда, Моисей говорит, что прародители наши были удалены из Рая именно с тем, чтобы не вкусили они плода древа жизни и не остались живы вовек, но это было только лишение их чрезвычайного средства к поддержанию в себе нескончаемой жизни, а не прямая причина их смертности. Причина эта скрывалась в них самих — в грехе, заразившем их собою. Так, как если бы кто лишил больного лекарства, могущего предотвратить на время смерть, то нельзя было бы сказать, что смерть произошла от недостатка лекарств. Она произошла от болезни, а лекарства могли бы только замедлить ее.*

Изгнание из рая (Быт. 3, 23—24).

Слово о том, что сделал Иисус Христос со смертью

Со смертью по видимости никогда не было никакой перемены: она всегда одна и та же. Как умер первый человек, так умрет и последний. Но все-таки с ней произошла перемена великая, так что она теперь совсем не то, чем быть должна была и чем была бы, если бы не пришел Тот, Кто смертью Своею, как воспевают Церковь, попрал смерть. В чем же переменилась смерть? В том, что она есть теперь разлучение души от тела не вечное, а временное; в том, что все умер-

шие по прошествии известного времени должны будут выйти некогда из гробов и опять облечься телом, уже бессмертным; в том, что сама смерть однажды упразднится.

Перемена, как сами видите, великая. Ее не было бы, если бы смерть осталась такою, какова она по своей природе. Тогда человек остался бы смертным вечно: разлучившись от души, оно никогда уже не соединилось бы с нею.

Кто же произвел эту великую перемену? Божественный Искупитель наш Иисус Христос. Каким образом? Он Сам претерпел за нас смерть. «Смертию смерть поправ», — воспевают Святая Церковь. Каким образом смерть Христова переменяла нашу смерть?*

Слово об участии самой смерти

До сих пор мы обозревали область смерти в ее прошедшем и настоящем. Посмотрим теперь на нее в будущем, поскольку и это мы можем сделать с данного священного места. Разум человеческий ничего не может сказать об участии самой смерти; а слово Божие может и говорит. Что говорит? Послушайте, в назидание и утешение ваше.

Владычество смерти, хотя уже и побежденной, и связанной, и предназначенной к уничтожению, должно продолжаться до конца мира над родом человеческим, для его же, как мы видели, блага и вразумления.

Посему безрассуден был бы тот из людей, кто покушался бы каким бы то ни было образом из-

бежать смерти: это невозможно! Все и каждый должны пройти путем гроба и тления в земле. Мы можем только и должны все достигать кончины мирной, непостыдной и даже безболезненной, как о том молит за нас ежедневно сама Св. Церковь.

Но пред концом мира со смертью произойдет, по свидетельству слова Божия, великая и необыкновенная перемена, состоящая в том, что те, которых кончина мира застанет в живых (а таких должно быть великое множество), уже не умрут, подобно всем прежним людям, а вместо смерти претерпят некоторое особенного рода изменение, которое должно произвести над ними то же, что производила над другими смерть, только другим образом.

То есть вследствие этого чудесного изменения, которое, по уверению св. Павла, совершится самым кратчайшим образом: *Не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока* (1 Кор. 15: 52).

Все смертное в них будет побеждено жизнью, и они явятся вместе со всеми воскресшими из мертвых в новом теле, не подлежащем уже тлению, но бессмертному и вечному. *Вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда*

сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?(1 Кор. 15: 52 — 55), пишет апостол.

Такое чудесное изменение и превращение временной жизни в вечную без настоящего нашего умирания и разрешения души от тела, очевидно, будет не естественным действием сил природы, а следствием всемогущего гласа Божия, хотя и силы природы, пред концом мира, должны прийти в особенное движение и могут производить ввиду этого необыкновенные явления.

После воскресения мертвых, после обновления всего мира, после последнего Суда и решения на нем участи всех и всего на всю вечность для смерти нынешней, очевидно, не останется никакого места; почему и сказано в Откровении апостола Иоанна Богослова, что *смерти не будет уже* (Откр. 21: 4), и в другом месте, что *смерть и ад повержены в озеро огненное* (Откр. 20: 14).

Таким образом, должно будет совершенно окончиться ужасное владычество смерти и исчезнуть ее последние следы. Но, увы, она не исчезнет совершенно и тогда! Останется навсегда один вид ее, вид новый, который обнаружит себя именно тогда, когда настоящая смерть прекратится.

Священное Писание называет это второй смертью. В чем будет состоять она? В том, что некоторые из воскресших людей окажутся не имеющими в себе жизни Божией, духа Христо-

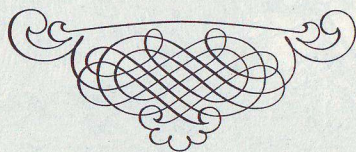

ва, ни даже начатка того и другого, окажутся вследствие грехов своих и совершенной нераскаянности в них всецело проникнутыми духом злобы адской, вообразившими в себе образ врага Божия, дьявола.

Над таковыми-то несчастными и восторжествует смерть вторая. И они, подобно праведным, будут облечены в тела нетленные, и на них прежняя нынешняя смерть не будет иметь никакого действия; но, не имея способности к жизни в Боге, к пребыванию в обителях Отца Небесного, они будут удалены в ад, к духам отверженным на всю вечность.

Такое бессмертие будет во сто крат хуже смерти, поскольку вечность их будет самая злополучная.

Понятно, кто виновен будет в этой ужасной второй смерти: сами грешники. Освободиться от нее уже не будет никакой возможности. Потому что тогда все будет кончено, и не будет возврата. Этой-то смерти и нужно бояться больше всего, а не нашей телесной, за которой должно последовать воскресение. Аминь.

ИЗ НОВОГО ЗАВЕТА

Откровение 20.4 — 6; 20.11 — 15; 21.1 — 5

И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет.

Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение.

Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом; над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с ним тысячу лет.

И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места.

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.

Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим.

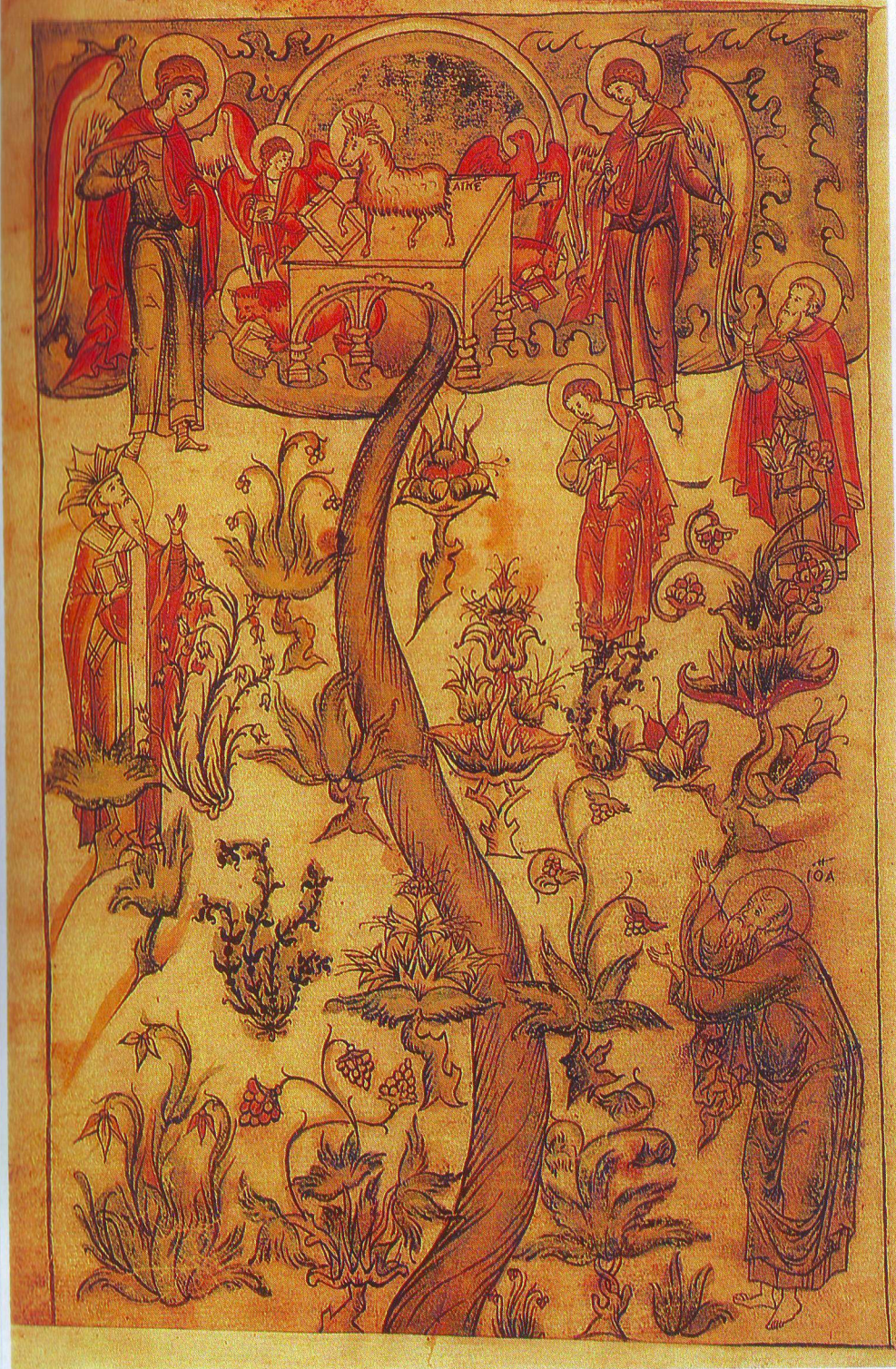
И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это — смерть вторая.

И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

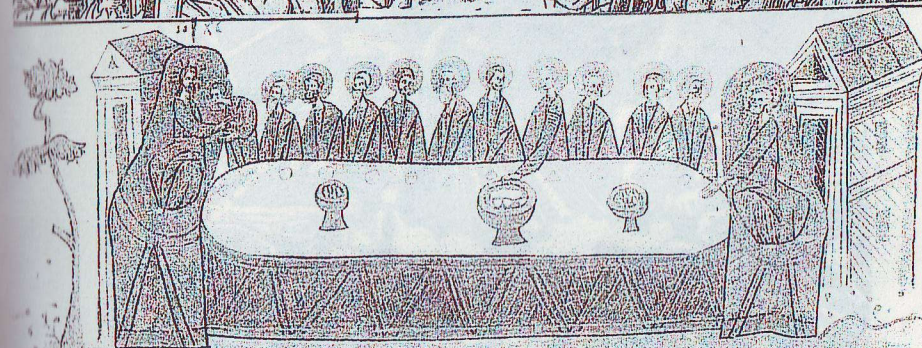
И я Иоанн увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их.

И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло.

И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны.

Исходъ евреевъ изъ Египта. Закланіе агнца.
(Ветхозавѣтная пасха).

Второе пришествіе Спасителя.